

Астрид Линдгрен
Мадикен (сборник)
Серия «Мадикен», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10965810
Мадикен: Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10261-3

Аннотация

Мадикен живёт в большом красном доме возле речки. Лучшего места, чем это, на всём свете не сыскать, считает она. Ещё там живут мама и папа, помощница Альва и малышка Пимс, которая везде и всюду следует за своей старшей сестрой. Куда одна, туда и другая. Вместе им всегда весело. Да и как может быть иначе! Ведь здесь столько всего интересного: можно купаться, качаться на качелях, играть в крокет, поливать огород и поить молоком ёжика!

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Мадикен	6
Летний день в Юнибаккене	7
Рикард	17
Экскурсия «не выходя за калитку»	22
Очень приятный печальный день	32
Лисабет запихивает себе в нос горошину	42
Мадикен проверяет свои способности к ясновидению	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Астрид Линдгрен Мадикен (сборник)

Astrid Lindgren

Madicken

1960

Madicken och Junibackens Pims

1976

First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

Madicken © Text: Astrid Lindgren 1960 / Saltkråkan AB

Madicken och Junibackens Pims ©Text: Astrid Lindgren 1976 / Saltkråkan AB

© Стреблова И. П., перевод на русский язык, 2015

© Демидова Н. Ю., иллюстрации, 2015

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Machaon®

* * *

Мадикен

Летний день в Юнибаккене

Мадикен живёт в большом красном доме возле речки. Ещё там живут мама и папа, сестричка Лисабет, чёрный пудель Сассо и котёнок Гося. Да ещё Альва. Мадикен и Лисабет живут в детской, Альва в комнате для прислуги, Сассо в прихожей, где стоит его корзинка, а Гося на кухне около плиты. Мама живёт во всём доме, где угодно, и папа тоже, но только он каждый день уходит в газету, сидит там и пишет, чтобы людям было что почитать.

По-настоящему Мадикен зовут Маргаритой. Но когда она была маленькой, она сама переименовала своё имя. Сейчас она уже большая, ей скоро исполнится семь, но она так и осталась для всех Мадикен. А Маргаритой её называют только тогда, когда она что-нибудь натворит, и ей строго выговаривают за провинность. И называют её так довольно часто.

Элисабет всегда зовут Лисабет, она не доставляет старшим столько хлопот, и её гораздо реже приходится отчитывать. Зато у Мадикен на уме одни проказы, а что из них получится, она наперёд не думает и только уж после начинает жалеть и раскаиваться.

Мадикен очень хочет быть хорошей и послушной девочкой, но у неё никак не получается!

– Что за ребёнок! – говорит Линус Ида. – Больно скоро на проказы. Поросяенок моргнуть не успеет, а у неё уже раз – и готово!

Сущую правду говорит Линус Ида!

Линус Ида приходит в дом по пятницам стирать и мыть полы. Сегодня тоже пятница, и Мадикен сидит на мостках и смотрит, как Линус Ида полощет в речке бельё. У Мадикен радостно на душе, у неё полный кармашек жёлтых слив – бери и ешь сколько хочешь. Мадикен болтает ногами в воде и поёт Линус Иде песенку:

А Б В Г

Снег был на дворе,
Кошка по снегу прошла –
То, мой друг, любовь была,

Д Е Ж З

Рассказала мне,
Рассказала мне она,
То любовь была.

Эту песенку Мадикен придумала почти что сама. Кусочек взяла из маминой старой «Азбуки», кусочек – из песни, которую за стиркой всегда поёт Альва. Песенка получилась что надо и очень подходящая – как раз чтобы под неё полоскать бельё и есть сливы. Но Линус Ида думает иначе.

– Это что ещё такое! – говорит она. – Неужели ты не знаешь хороших песен, чтобы спеть по-людски?

– По-моему, это хорошая песня, – говорит Мадикен.

Но Идины песни лучше!

– Идочка, миленькая! Спой, пожалуйста, про железную дорогу Иисуса Христа, по которой едут в рай.

Но Линус Ида отказывается петь, когда полощет. Не хочет – и ладно! Потому что, как ни любит Мадикен песню про железную дорогу Иисуса, она никогда не может слушать её без слёз. Вот и сейчас – только Мадикен о ней подумала, как притихла и на глаза у неё навернулись слёзы. Это очень грустная песня про девочку, которая думала, что можно сесть на поезд и поехать на небеса, а там бы она встретила свою маму, которая умерла... Нет, сейчас Мадикен и думать об этом не хочет! У Линус Иды все песни такие печальные. Мамы в них умирают, и тогда папы возвращаются домой, и ужасно раскаиваются, и клянутся, что больше никогда не будут напиваться пьяными... да уже поздно – раньше надо было спохватываться!

Мадикен тяжело вздыхает и принимается за следующую сливу. Ах, как она рада, что её мама жива и что она, как и прежде, живёт в их красном домике! Каждый вечер, ложась спать, Мадикен после обычной молитвы прибавляет от себя ещё одну – о том, чтобы они с Лисабет, и мама, и папа, и Альва, и Линус Ида отправились бы на небо сразу все вместе. Хотя лучше всего было бы вообще никуда не отправляться, потому что им и тут всем очень хорошо живётся. Но об этом Мадикен не решается просить Бога, а то как бы он ещё не рассердился!

Линус Ида любит, чтобы над её песнями плакали.

– Слушай, Мадикен! Слушай хорошенько! – приговаривает Линус Ида. – Будешь, по крайней мере, знать, как плохо живётся бедным детям, не то что тебе. Ты-то у родителей как жемчужинка в золотой оправе.

Мадикен и впрямь живёт, как жемчужинка в золотой оправе. У неё есть и мама, и папа, и Лисабет, и Аббе Нильсон, и живёт она в Юнибаккене¹. Лучшего места, чем это, нигде на свете не найдёшь! Если бы кто-нибудь попросил Мадикен описать, как оно выглядит, она бы, наверное, ответила приблизительно так:

«Ну, обыкновенный красный дом. Просто дом как дом. Самое лучшее в нём – кухня. Мы с Лисабет играем в дровяном чулане, а ещё мы помогаем Альве, когда она печёт... Впрочем, нет! Лучше всего – на чердаке. Мы с Лисабет играем там в прятки, а иногда наряжаемся каннибалами и играем, будто мы людоеды. На веранде тоже здорово. Там мы играем

¹ Юнибаккен (*шв.*) – дословно: Июнь-горка. – *Здесь и далее прим. пер.*

в пиратов и лазаем через окно, как будто это корабль и мы карабкаемся на мачты. Вокруг дома у нас растут берёзы, я по ним лазаю, а Лисабет не может – она ещё мала лазать по деревьям, ей только пять лет. Иногда я забираюсь на крышу дровяного сарая. У забора рядом с участком Нильсонов стоит длинный красный дом, там у нас дровяной сарай, и столярная мастерская, и прачечная, и комната с катальным станком для белья. Если забраться на дровяной сарай, то видно, что делается в кухне у Нильсонов. И ещё бывает очень весело крутить катальный станок, когда Альва и Линус Ида катают бельё! Ну а лучше всего, конечно, река! Нам разрешают ходить по мосткам, под ними неглубоко, а дальше нельзя – там начинается глубина. С другой стороны дома – улица. Там у забора растёт сирень, и нас за ней не видно. Можно спрятаться за кустами и слушать, о чём говорят прохожие. Правда, шикарно?»

Вот так примерно ответила бы Мадикен, если бы её спросили про Юнибаккен.

Иногда она и в самом деле сидит, притаившись, в кустах сирени и слушает, что говорят прохожие.

Сколько раз Мадикен слышала их слова: «Вы только поглядите, какая прелестная малютка!»

Мадикен уже не маленькая и не относит на свой счёт эти восторги, но очень радуется, когда хвалят её младшую сестрёнку. Лисабет так мила, что все ею восхищаются, даже Линус Ида. Та про неё говорит:

– Право слово! Девчонка такая красавица, что просто беда!

– Да ещё и сладенькая! – отзывается Мадикен и кусает сестру за ручку, но только чуть-чуть. И Лисабет заливается хохотом, словно Мадикен её пощекотала. Уж такая она вся мягонькая, такая нежненькая и сладкая! Но Лисабет ещё и зубастенькая: ам! – и укусила сестру прямо в щёку.

– А ты вкусненькая, как огурчик, – говорит Лисабет и хохочет ещё залиvistей.

В Мадикен совсем нет ничего мягонького, нежненького и сладкого. Зато у неё хорошенькое, смуглое от загара личико, открытый взгляд голубых глаз и густые каштановые волосы. Она прямая, как струнка, тоненькая и ловкая, как кошка.

– Она у нас только по ошибке уродилась девочкой! – говорит Линус Ида. – Право слово, из неё бы получился хороший мальчишка, не сомневайтесь!

Мадикен вполне довольна, какой она уродилась.

– Я похожа на папу, – говорит она, – и, значит, всё будет шик-блеск. Раз я в папу, то непременно женюсь.

Эти слова приводят Лисабет в смятение – а как же тогда она? Вдруг она не женится? Она ведь вылитая мама, все так говорят!

По правде сказать, Лисабет равнодушна к вопросу о женитьбе, но раз Мадикен собирается жениться, то надо и ей. Лисабет хочет, чтобы у неё всё было точь-в-точь как у Мадикен.

– Мала ты ещё об этом задумываться, – говорит Мадикен и гладит её по головке. – погоди, пока подрастёшь и пойдёшь в школу, как я.

Про школу Мадикен немножко прихвастнула, в школу она не ходит, её ещё только записали в первый класс, и занятия начнутся через неделю. Однако можно сказать, что она без пяти минут школьница.

– Может быть, я ещё и не женюсь, – говорит Мадикен, чтобы утешить сестрёнку.

В глубине души она не очень понимает, какой толк в женитьбе, она ни на ком не согласна пожениться, кроме Аббе Нильсона, это решено уже твёрдо. Впрочем, Аббе об этом пока что не знает.

Линус Ида дополоסקала последние вещи, а Мадикен доела все сливы. И тут, откуда ни возьмись, прибегают Лисабет. Она была на веранде и играла с Госей. Потом Госья ей надоела, и она прибежала на мостки узнать, что нового придумала Мадикен.

– Мадикен, – спрашивает Лисабет, – что мы будем делать?

Двух кошек запрягай,
Через море поезжай,
Смотри не свались,
За хвосты держись! –

говорит Мадикен. Она знает, что так полагается отвечать, потому что так всегда отвечает Аббе.

– Ха-ха-ха! А я так и сделала, – смеётся Лисабет. – Я держала Госю за хвост, когда была на веранде!

– Ах так! Тогда я тебя поколочу, – говорит Мадикен. – Я же тебе сказала! Если будешь таскать Госю за хвост, я тебя поколочу.

– А вот и нет! – говорит Лисабет. – Я даже ни одного разочка не дёрнула. Я только подержала Госю за хвостик, а она стала вырываться и сама себя потянула.

Тут Линус Ида очень строго посмотрела на Лисабет.

– Разве ты не знаешь, Лисабет, что ангелы Господни плачут, если люди обижают животных, и тогда начинается проливной дождь?

– Ха-ха! – смеётся Лисабет. – А дождя-то нету!

Действительно, дождя нет и в помине. Солнышко припекает, от клумбы с душистым горошком веет нежным ароматом, в траве жужжат шмели, и тихо струится протекающая мимо Юнибаккена река. Мадикен болтает ногами в тёплой воде и, кажется, всем существом чувствует – вот оно, лето!

– Право слово, жарница какая-то несусветная, – говорит Линус Ида, отирая пот со лба. – Будто я полощу бельё не в Швеции, а где-нибудь в Африке, на Ниле!

Больше Линус Ида ничего не сказала, но для Мадикен этого достаточно: в ней точно кнопку нажали и что-то там щёлкнуло. Она ведь так скоро на выдумки, что не успеет поросянок и глазом моргнуть, у неё уже готово – придумано.

– Ой, Лисабет! А я знаю, что мы будем делать! Вон там, в тростнике, мы будем играть в младенца Моисея².

Лисабет так и запрыгала от восторга:

– Можно я буду Моисеем?

Линус Ида хохочет:

– Ай да младенец Моисей нашёлся!

Но Линус Иде пора развешивать бельё, и Мадикен с Лисабет остаются одни на берегу Нила.

По вечерам, после того как в детской погасят свет и в комнате делается темно и тихо, Мадикен рассказывает разные истории, а Лисабет слушает. Это бывают истории «о приключениях, убийцах и о войне», но тогда Лисабет перебирается из своей кровати к Мадикен, чтобы не так было страшно. А иногда Мадикен рассказывает библейские истории, которые узнала от Линус Иды. И Лисабет хорошо знает, кто такой Моисей, как его положили в корзинку и бросили в реку, а потом пришла дочь фараона, принцесса Египетского царства, и нашла его в тростнике. Очень интересно поиграть в младенца Моисея!

На берегу у самой воды стоит бадья – как раз то, что надо для игры! Лисабет сразу полезла туда.

– Нет, – говорит Мадикен, – так нельзя. Надо её стащить в воду, а то какой же это будет Моисей в тростнике! А ну-ка вылезай, Лисабет!

Лисабет послушно вылезает, и Мадикен стаскивает бадью в воду. Бадья тяжёлая, но Мадикен сильная девочка. По берегам речки редко где можно встретить тростник, а тут он есть возле прачечной. Если бы не его густые заросли, с мостков Юнибаккена видны были бы мостки Аббе Нильсона, но тростник их заслоняет. Для Мадикен это огорчение, а маме нравится. Мама, кажется, считает, что чем меньше видишь Нильсонов, тем лучше. Поди пойми её! Ведь для чего у людей глаза, как не для того, чтобы всё видеть. Зато сейчас тростник пригодился для Моисея. Очень удачно, что он тут вырос!

Ох, как трудно тащить бадью! Девочки раскраснелись от натуги, но затащили её в самую серёдку зарослей. Лисабет быстро залезла и стала устраиваться, но, едва усевшись, вдруг притихла, на лице у неё отразилось беспокойство.

– Знаешь что, Мадикен, – говорит Лисабет, – а у меня штанишки намокли.

– Подумаешь! Скоро просохнут, – говорит Мадикен. – Вот я тебя спасу, они и высохнут.

– Уж ты поскорей меня спасай, – говорит Лисабет.

² В Библии о рождении пророка Моисея рассказывается так: египетский фараон, считая, что народ сынов Израилевых многочисленнее и сильнее египтян, повелел всякого новорождённого у евреев сына бросать в реку. Мать младенца Моисея три месяца укрывала его от глаз фараоновых слуг, «но, не могли долее скрывать его, взяла корзинку из тростника, и осмолила её асфальтом и смолою, и положила в неё младенца, поставила в тростнике у берега реки...». И когда дочь фараонова вышла на реку мыться, она увидела корзинку среди тростника и послала свою рабыню взять её. Открыла и увидела плачущего младенца; она сжалилась над ним и взяла его себе вместо сына.

Мадикен обещает поторопиться. Ну вот, всё готово для игры, и можно бы начинать. Но, взглянув на своё ситцевое в полосочку платье, Мадикен поняла, что дочь фараона не могла носить такое, а ей хотелось всё сделать по-взаправдашнему.

– Ты тут немного подожди, – говорит Мадикен. – Я скоро приду, вот только сбегая к маме.

Но мамы не оказалось дома, она ушла на рынок. Альва зачем-то отправилась в подвал. Никого не застав, Мадикен решила сама поискать себе царское платье. Она осмотрелась кругом, не найдётся ли чего-нибудь подходящего. Глядь, в спальне висит на крючке мамин халат – голубенький такой, шёлковый! Мадикен примерила – замечательно! Как раз то, что нужно. Наверное, в древности дочь фараона пришла на берег реки точно в такой одеянии. А на голове у неё, скорее всего, была прозрачная фата... Мадикен порылась в бельево шкафу и нашла белую кружевную занавеску для кухонного окна. Ах, какая же она красивая, просто дрожь берёт! Вот так, должно быть, и выглядела дочь фараона!

Лисабет тем временем, очень довольная, дожидалась её в бадье. Всё было хорошо, только вот немножечко мокро. Тростник покачивался от ветра, среди него мелькали синие стрекозы, а в воде сновали под бадьёй маленькие-маленькие уклейки. Лисабет, разглядывая их, перевесилась через край.

А вот и Мадикен шлёпает по воде в мамином халате! Она подоткнула его повыше и перевязалась поясом под самыми подмышками. Лисабет посмотрела и тоже нашла, что Мадикен в халате – вылитая дочь фараона. Девочки радостно засмеялись. Вот теперь-то уж можно начинать игру!

– Это ты, малютка Моисей, тут лежишь? – спрашивает Мадикен.

– Ага! Это я лежу, – отвечает Лисабет. – Можно я буду твоим ребёночком?

– Конечно, можно! – отвечает Мадикен. – Только сначала я спасу тебя из бадьи. И кто же это тебя сюда положил?

– А я сам сюда залез, – говорит Лисабет.

Но Мадикен делает строгое лицо и шёпотом поправляет:

– Меня положила сюда мама, чтобы фараон не мог меня убить.

Лисабет послушно повторяет подсказку.

– Скажи, малютка Моисей, а ты ведь правда обрадовался, что будешь жить у меня, когда увидал, какая я нарядная?

– Очень обрадовался, – соглашается Лисабет.

– Ты тоже будешь таким нарядным, – говорит Мадикен. – Тебе тоже дадут новое платье.

– И сухие штанишки, – прибавляет Лисабет. – Знаешь что, Мадикен! По-моему, бадья дырявая.

– Тише, – говорит Мадикен. – А то смотри, Моисей, как приплывут крокодилы! Они кушают маленьких деток. Давай-ка я тебя лучше спасу, пока не поздно.

– Категорически! – отвечает Лисабет.

Однако оказывается, что спасать малых детей из Нила не так-то просто. И Мадикен в этом очень скоро убедилась. Лисабет тяжёлым мешком повисла у неё на плечах, халат волочится по воде и путается в ногах.

– Ох, как тут много крокодилов! – стонет Мадикен. Она еле тащится к берегу. – Пожалуй, лучше отнесу тебя к мосткам Нильсонов, туда всё-таки ближе.

– А вон и Аббе, – говорит Лисабет.

Мадикен останавливается как вкопанная.

– Вот как! – говорит она. – Давай-ка слезай, Лисабет, ты и сама дойдёшь!

Но Лисабет не соглашается:

– Нет, не дойду. Ведь я же малютка Моисей.

И она ещё крепче стискивает руками шею Мадикен, изо всех сил стараясь удержаться.

– Боюсь! Там каркадилы! – уверяет она Мадикен.

– Да нету здесь никаких крокодилов! – возражает Мадикен. – Чур, я не играю. А ну-ка слезай!

Но Лисабет не желает слезать, и Мадикен начинает сердиться. Ручки Лисабет сдавили ей шею. Если бы не мамин халат, Мадикен легко могла бы их отцепить. Халат волочится за нею по воде, его надо всё время придерживать руками. А руки у неё заняты. Тогда она начинает подпрыгивать, чтобы стряхнуть прицепившуюся Лисабет.

На Нильсоновых мостках стоит Аббе и смотрит. Ему-то хорошо!

– Смотри не скакни в Бездонную яму, – предостерегает он Мадикен и сплёвывает в воду.

Мадикен и без него знает, что возле Нильсоновых мостков есть обрыв, она и сама помнит про Бездонный омут. Но сейчас она так сердита, что ей не до того – только бы скинуть эту Лисабет! Она делает скачки и брыкается, как дикая лошадка, не глядя, куда её занесёт.

– Боюсь каркадилов!.. – пищит Лисабет.

Но вдруг писк обрывается... Звонкий плеск – и Мадикен со своей ношей проваливается с головой в Бездонный омут...

И может быть, всё на этом было бы кончено – они бы там захлебнулись, и не стало бы в Юнибаккене двух девочек, – если бы не Аббе. Аббе преспокойно берёт багор, который оказался у него под рукой, запускает его в Бездонный омут и вытягивает из воды с уловом – на крючке трепыхаются две насквозь мокрые девчонки.

Они выкарабкиваются на мостки. Лисабет ревет и подвывает, как привидение.

– Да тише ты! Не реви, Лисабет! – говорит ей Мадикен. – А то нас никогда больше не отпустят к реке.

– А чего ты меня затащила в Бездонный омут! – гудит в ответ Лисабет. Ишь, дескать, чего захотели, чтобы она так вот сразу и перестала реветь. Она только ещё входит во вкус!

Сердито уставясь на Мадикен, она говорит:

– Всё скажу мамочке!

– Ой, ябеда-беда! – говорит Мадикен.

И только тут спохватывается, что мокрая тряпка, которая её облепила, – это ведь мамин халат. Уж он-то обо всём расскажет, даже если Лисабет и не наябедничает.

– Пойдёмте-ка со мной, девчонки! – говорит Аббе. – Будет вам обеим по крендельку.

Аббе – удивительный человек! Мало того, что ему пятнадцать лет и он может вытащить человека багром из воды, но он ещё умеет печь сахарные крендельки и сам продаёт их на базаре. Вообще-то печь крендельки полагалось бы его папе, а торговать на базаре маме, но по большей части и то и другое достаётся делать ему. Мадикен очень его жалеет, потому что Аббе мечтает стать моряком и плавать по бурным морям, где бушуют ураганы, а вовсе не о том, чтобы печь крендельки. Но вот приходится! А что поделаешь, раз его папа тоже не хочет печь. Слушая грустные песни Линус Иды про бедных детей, у которых «папашечка в кабаке тащится», Мадикен думает, что в них поётся про дядю Нильсона. Правда, дядя Нильсон тащится в кабаке только по субботам, но Аббе-то всю неделю напролёт должен печь крендельки, вместо того чтобы плавать по бурным морям, где бушуют ураганы. Бедный Аббе!

После купания в Бездонном омуте человеку в самую пору полакомиться сахарным крендельком! Лисабет умолкла. Она грызёт кренделёк и с удивлением разглядывает своё мокрое платьишко.

– А ты же говорила, Мадикен, что спасёшь меня и я сразу высохну. Вот тебе и на!

Но когда мама приходит домой, на кухне её встречают две совершенно обсохшие и переодетые девочки. Усадив пуделя Сассо в дровяной чулан, они играют, как будто он у них дрессированный лев и Мадикен выступает с ним в цирке. Альва и Лисабет изображают зрителей. Билет на представление продаётся за два эре, но это понарошку – вместо монет служат простые пуговицы.

– Это потому, что лев тоже ненастоящий, – говорит Лисабет. – Поэтому можно платить пуговицами.

Под яблонями в саду сушатся на верёвке свежестиранные наволочки и полотенца, а среди них два маленьких платьица и голубой халат.

Мама целует Мадикен, целует Лисабет и принимается выгружать из корзинки покупки.

– Я думаю, что сегодня на обед можно сварить суп, – говорит она Альве, выкладывая на кухонный стол морковь, цветную капусту и лук-порей. – А на второе сделаем блинчики.

Затем мама обращается к дочкам:

– Ну, чем вы тут без меня занимались?

На кухне воцаряется тишина, Лисабет испуганно смотрит на Мадикен. А Мадикен опускает глаза и так внимательно разглядывает большой палец на своей ноге, как будто никогда его раньше не видела.

– Ну, так что же вы без меня делали? – повторяет мама.

– Мы стирали и полоскали свои платица, – нехотя отвечает Мадикен. – И твой халат тоже постирали... Хорошо мы сделали?

– Маргарита! – произносит мама с особенным выражением.

За окном на бельевой верёвке раскачивается под дуновением ласкового ветерка выстиранное бельё, а из дома Нильсонов доносится бодрая песня:

Весело нам на волнах океана,
Вольным, как птицы в просторе небес...

Это поёт Аббе, разделявая новую порцию крендельков.

Рикард

Мадикен уже ходит в школу, ей там нравится. Как это здорово, когда у тебя есть букварь, обёрнутый в зелёную бумагу с надписью «Маргарита. Класс 1а». Именно «Маргарита», а не «Мадикен». Какая же она Мадикен, если стала школьницей! Как здорово, если есть у тебя грифельная доска, и к ней губка на шнурке, и бутылочка из-под жидкости для волос, куда налита вода. Из бутылочки можно побрызгать на доску и всё стереть, и тогда она снова станет чистой. Здорово, когда у тебя есть грифели, и пенал, в который их прячут, и парусиновый ранец, в который можно положить пенал. Ну а самое замечательное, что в «Азбуке» есть петушок. Петушок выбрасывает монетки в пять эре, они с треском вылетают, если ты хорошо учишься и прилежно готовишь уроки.

Да уж, учиться в школе и правда очень здорово! В первый же день Мадикен со вздохом говорит:

– Ох! Ну кому это, спрашивается, нужны рождественские каникулы!

До Рождества ещё целых четыре месяца, а всё-таки жаль!

Мадикен всем показывает «Азбуку», и грифельную доску, и пенал, показывает их маме, и папе, и Лисабет, и Линус Иде, и Альве, и Аббе Нильсону. Она даёт Альве полистать «Азбуку» и пописать немножко на грифельной доске, но при этом Альве приходится выслушать много наставлений.

Каждое утро, когда Мадикен уходит в школу, Лисабет провожает её до двери и мечтает о том, как было бы хорошо, если бы и она могла пойти в школу с таким хорошеньким ранцем за спиной. Потом Лисабет ждёт сестру, и время тянется для неё так медленно! Когда наконец Мадикен приходит домой, то тут оказывается, что ей ещё надо учить уроки. Мадикен сидит в детской и читает громко, на весь дом.

– И, О, У, – читает Мадикен, – И, О, У.

Лисабет не может понять, почему это надо так долго читать одно и то же: И, О, У, – но ведь она ещё не школьница.

Каждый день папа за обедом спрашивает:

– Ну что, Мадикен? Как дела в школе?

– Шик-блеск! – отвечает Мадикен. – Я лучшая ученица в классе.

– Кто же это сказал? – интересуется мама. – Ты или учительница?

– Мы обе так считаем, – говорит Мадикен.

Мама и папа переглядываются с довольным видом, знай, мол, наших! Зря они раньше беспокоились – школа даже из такой шалуньи, как Мадикен, может сделать человека.

Но дни идут, и Мадикен уже без прежнего рвения учит уроки. Маме приходится напоминать, что надо ещё сделать примеры. Из детской больше не слышится «И, О, У», слышен только привычный грохот стульев – это Мадикен и Лисабет опять колобродят и всё роняют и переворачивают.

Однажды вдруг раздаются новые звуки: «О Адольфина! О Адольфина! Вместе забыться!»

Маме это не понравилось.

– Фу, Мадикен, – говорит мама. – Что за дурацкие слова? Кто тебя научил этой глупой и пошлой песне?

Подумать только! Мама ничего не знает! Она не знает, какая замечательная вещь появилась у Нильсонов. Ведь это – граммофон! С большой-пребольшой трубой! Дядя Нильсон ставит пластинку «О Адольфина!» каждый день и танцует под музыку с тётей Нильсон. Среди звуков, которые несутся из трубы – шипения, скрипа и треска, – можно кое-как слышать и Адольфину. Но мама почему-то недолгоблизит Нильсонов. Разве её поймёшь?

– Так как же, Мадикен? Кто научил тебя этой глупой песне?

Мадикен краснеет.

– Это... это Рикард, – говорит она наконец, потому что ей неохота признаваться, что она выучилась этой песне у Нильсонов.

– А кто это – Рикард? – спрашивает Лисабет.

– Кто Рикард? Это мальчик из нашего класса, – с бухты-барахты выпаливает Мадикен.

– Вот как? – говорит мама. – По-моему, тебе с этим мальчиком лучше не водиться.

Спустя несколько дней петушок из «Азбуки» вытряхнул для Мадикен пять эре, хотя, по правде сказать, она в последнее время не отличалась прилежанием. На пять эре в лавочке возле школы дают пять леденцов. Мадикен пообещала сестрёнке, что два принесёт ей, поэтому Лисабет с самого утра только и ждёт обещанного. Наконец Мадикен возвращается из школы, Лисабет встречает её в прихожей.

– Бедненькая Лисабет! – говорит Мадикен. – Рикард слопал твои леденчики.

– Выпороть как следует надо Рикарда! – говорит Лисабет. Ей очень обидно.

Да уж, что правда, то правда – заслужил Рикард хорошую трёпку! Но его дурацкие выходки на этом не кончились.

Однажды Мадикен пришла из школы в одной галоше. Другая пропала. А ведь какая чудесная была галоша – чёрная, блестящая, на красной подкладке!

– Где у тебя вторая галоша? – спрашивает мама.

– Рикард взял и закинул в канал, – отвечает Мадикен.

– Выпороть надо Рикарда! – говорит Лисабет.

Мама страшно возмутилась, услышав про Рикарда.

– Просто наказание какое-то, что в вашем классе оказался такой мальчишка! – говорит она. – Придётся мне наконец пойти в школу и поговорить с вашей учительницей.

Но у мамы всё время столько всяких дел, что она так и не собралась повидаться с учительницей и Рикард продолжает вытворять разные глупости. Что ни день он выдумывает новые проказы!

Вот Мадикен вернулась из школы с огромным чернильным пятном на новеньком переднике... Конечно же это был Рикард! В другой раз у неё грифельная доска треснула пополам – а всё потому, что Рикард схватил её – и ну дубасить об стенку. Он, видите ли, решил проверить, крепкая ли доска. Оказывается, нет. Не очень крепкая.

В учебнике у Мадикен есть картинка, где нарисована королева, которая в былые времена жила в Швеции. Теперь она уже умерла, но в книжке есть её портрет. И вот однажды у королевы появились усы и борода.

– Что это такое, Маргарита! Зачем ты испачкала книжку? – говорит мама строгим голосом.

– А это не я, – отвечает Мадикен, – это Рикард.

– Выпороть надо Рикарда! – говорит Лисабет.

За обедом Мадикен каждый день рассказывает про ужасного Рикарда. До чего он только не додумывается! Учительница с ним так извелась, что просто невозможно себе представить. Он безобразничает на уроках и всё время стоит в углу наказанный.

– Подумайте только, сегодня он съел мой ластик!

– Неужели-таки ластик съел? – ужасается мама.

– Прямо ненормальный какой-то мальчик, – говорит папа.

– Выпороть надо Рикарда! – говорит Лисабет.

Однажды Мадикен возвращается из школы, а на голове у неё новая причёска. Опять отличился Рикард. После урока рукоделия он взял у Мадикен ножницы и выстриг ей чёлку. Ну и чёлка получилась!

– Завтра же пойду в школу и поговорю с учительницей!

– Рикарда надо... – начала было Лисабет.

– Да замолчишь ты наконец! – прикрикнула Мадикен в сердцах. – Рикарда нельзя выпороть. Рикард сегодня кончил школу.

– Как это кончил? – спрашивает поражённая мама.

– А он... он не будет больше ходить в школу, – говорит Мадикен.

– Будет – не будет! – воскликнула мама. – Не болтай пустяков! Ты же ничего не понимаешь. Он, наверное, перейдёт в другую школу.

– Да, он теперь пойдёт в другую школу и будет там кушать ластик, – говорит Лисабет.

Прошло несколько дней, и наступил день рождения тёти Лотты. Тётя Лотта жила в маленьком чистеньком домике по соседству со школой. И мама с обеими дочками пошла её поздравлять.

Они уже почти пришли, как вдруг навстречу – учительница. Как ни тянула Мадикен маму за юбку, мама остановилась. Мадикен совсем не хотела разговора с учительницей, зато мама обрадовалась случаю.

– Скажите, пожалуйста, как успехи моей Маргариты? – спрашивает мама.

Казалось бы, для чего спрашивать! Мадикен давно сказала маме, что всё у неё шикарно. Но маме уж очень хочется услышать от самой учительницы, что её дочь – лучшая ученица в классе.

Но, как ни странно, услышать этого ей не пришлось.

– Ничего! Всё ещё наладится, когда Маргарита привыкнет, – говорит учительница. – Некоторые дети трудно привыкают к школе.

У мамы делается задумчивое выражение... Неужели учительница считает её дочку таким ребёнком? Что же тогда можно сказать о Рикарде?

– Всё-таки, знаете ли, хорошо, что этот Рикард ушёл от вас. Я думаю, вы довольны, что отделались от такого сорванца, – говорит мама.

– Рикард? – удивлённо переспрашивает учительница. – Такого мальчика я не знаю. У нас никогда не было никакого Рикарда.

– Но как же так... – начала было мама, но сразу осеклась и строго посмотрела на Мадикен.

– Выпороть надо Рикарда! – объявляет Лисабет.

Мадикен стоит вся красная и упорно разглядывает свои башмаки. «Выпороть!» – говорит Лисабет. Ох, достанется, верно, кому-то порка, вот только кому? Ах, как же сиротливо стало жить на свете без Рикарда!

Экскурсия «не выходя за калитку»

Мадикен совсем перестала рассказывать про Рикарда. Лисабет скучает без этих рассказов. Она никак не возьмёт в толк, что с Рикардом раз и навсегда покончено и что его теперь просто нет. После него осталась пустота, и это особенно чувствуется за обедом. Иногда Лисабет вспоминает о нём вслух.

— Интересно, что там делает Рикард в новой школе?

Тогда Мадикен сердито зыркает на неё глазами, а мама делает вид, будто ничего не слышала. Только папа иногда смеётся над Мадикен и треплет её по волосам:

— Да уж, наша барышня Шик-блеск — большая выдумщица! Расскажи-ка лучше, как тебе в школе живётся-может... без Рикарда!

И Мадикен рассказывает. Про то, какие у учительницы есть золотые часики на цепочке, и про то, что у Мии, оказывается, в волосах кишат вошки, про то, что мальчики каждый

день дерутся на школьном дворе, и про то, как ей нравится большая перемена, когда все рассаживаются в коридоре и завтракают бутербродами.

– А с чем бывают бутерброды у других детей? – спрашивает Лисабет. Про школу ей всё интересно.

– С колбасой и сыром, – говорит Мадикен.

Лисабет грустно вздыхает. Подумать только, какие счастливые дети! Они могут сидеть в коридоре и кушать бутерброды с колбасой и сыром, и у них есть пеналы, и грифельные доски, и ранцы. Ах, какое горе для Лисабет, что нельзя ей тоже пойти в школу!

А папа всё задаёт и задаёт вопросы. На следующий день он опять спрашивает:

– Ну, барышня Шик-блеск, как было нынче в школе?

Мадикен старается вспомнить. С тех пор как не стало Рикарда, и рассказывать-то, можно сказать, нечего. Но хоть что-нибудь у Мадикен всегда найдётся.

– У Мии столько вшей, что они даже по парте ползают, – говорит Мадикен. – Вот бы мне так!

– Нет уж, благодарю покорно! – говорит мама.

Лисабет только приготовилась отправить себе в рот картофельное пюре, но остановилась и положила ложку.

– А вот в моей школе, – говорит она с торжеством, – в моей школе у всех детей вошки в голове!

– Ффы! – фыркает Мадикен. – Ты и в школу-то ещё не ходишь!

– А вот и хожу! – говорит Лисабет и делает упрямое лицо. А то куда же это годится – всё Мадикен да Мадикен рассказывает! У других, может быть, тоже найдётся о чём порассказать!

Папа хохочет:

– Вот как! Значит, и у тебя есть своя школа? Наверное, это школа, в которую перешёл Рикард?

Лисабет так и просияла. Вот это выдумка так выдумка! Не только платица и ботиночки переходят к Лисабет от Мадикен. Оказывается, она может получить от неё в наследство и Рикарда, чтобы он ходил в её школу! Лисабет улыбается до ушей и кивает.

– Да, Рикард поступил в мою школу, и вошек у него в голове – ого сколько! – заявляет Лисабет.

– Какое ты всё-таки ещё дитя, Лисабет, – говорит Мадикен.

Неделя проходит за неделей. И вот однажды в субботу Мадикен прибегает из школы вся встрёпанная, глаза у неё горят от возбуждения.

– Мама дома? – вопит она, как всегда, ещё с порога и принимается тараторить как сорока: – Мамочка, мы поедем на экскурсию в среду... всей школой. Сначала поедем на поезде, потом пойдём пешком далеко-далеко, потом заберёмся на гору, сядем, будем есть бутерброды и любоваться на красивый вид. Ой, до чего же я счастлива!

От радости у Мадикен ноги не стоят на месте, они так и пляшут, с сияющим лицом она кидается маме на шею, а рядом, мрачнее тучи, стоит Лисабет. Помолчав немного, она громко и раздельно заявляет:

– В моей школе у нас тоже будет экскурсия, и мы поедем на поезде и заберёмся на гору, наша гора ещё гораздо выше.

– А вот и нет! – говорит Мадикен.

– Дурочка! – кричит на неё Лисабет, утыкается головой в мамины колени и разражается горючими слезами. – Я тоже хочу на экскурсию, и сидеть на горе, и есть бутерброды!

Тут Мадикен стало её жалко.

– Мы с тобой и сами можем пойти на экскурсию, на пару – ты да я.

Поплакав на всякий случай ещё немного, Лисабет поднимает голову и смотрит на неё зарёванными мокрыми глазами.

– И тоже посидим на горе? – спрашивает она.

– Может быть, посидим, – отвечает Мадикен. – Если найдём гору.

– Вот это ты молодец, Мадикен! – говорит мама. – Вы устройте себе вдвоём экскурсию. Как хорошо! Правда, Лисабет?

Мама находит, что эта затея как раз кстати, потому что сегодня они с папой приглашены в гости на обед.

– Мы соберём для вас корзинку, вы её возьмёте с собой и подыщите какое-нибудь хорошее местечко, – говорит мама, глядя Лисабет по головке, а та поправляет маму:

– Какую-нибудь хорошую гору!

Мама открывает чулан, достаёт с полки красную корзинку и укладывает в неё много вкусных вещей: маленькие котлетки – фрикадельки, сосиски, два пирога, бутылку молока и булочки с корицей.

– Тут столько всего вкусенького, что вряд ли маму и папу так наугощают в гостях у Берглундов, – говорит Мадикен.

Но мама уже торопится. Она надевает пальто и шляпку и между делом даёт последние наставления Мадикен:

– Смотри, не уходите далеко и предупредите Альву, куда вы отправитесь.

Альве она говорит:

– Альва, дорогая! Уж ты присмотри без меня за девочками!

– Будьте спокойны, фру, присмотрю, – отвечает Альва.

И вот мама ушла.

Мадикен и Лисабет с двух сторон подхватывают корзинку – пора и в путь.

– А где же у нас гора? – спрашивает Лисабет.

Выйдя с веранды, Мадикен в раздумье останавливается на крыльце. Если поблизости, то здесь горы не найдёшь, а мама велела не уходить далеко от дома. Но Мадикен недолго ломала над этим голову. Не успел поросёнок глазом моргнуть, как она уже сообразила, что делать. Мадикен вспомнила похожий случай. В одной истории, которую им прочитала мама, рассказывалось про детей, которые тоже собрались на экскурсию, как сегодня Мадикен и Лисабет, и у них была с собою корзинка блинов. Дети не пошли в лес, а залезли на свинарник, и блины попадали с крыши и все достались поросёнку. Очень был интересный рассказ.

– Знаешь что, Лисабет, – говорит Мадикен. – Горы у нас тут нет, зато мы можем залезть на крышу дровяного сарая.

Лисабет запрыгала от восторга:

– Точь-в-точь как те дети! Только у нас нет блинов.

– Ни блинов, ни поросёнка, – говорит Мадикен. – Так что не страшно, если мы уроним корзинку.

– А мама разрешает? – засомневалась Лисабет.

Мадикен немножко подумала.

– Мама сказала, чтобы мы нашли себе хорошее местечко неподалёку от дома. Мне кажется, что крыша сарая – очень хорошее место. И вид оттуда открывается хороший. Точь-в-точь как должно быть в среду на школьной экскурсии.

Тут на крыльцо выскочила Альва и спрашивает:

– Куда вы собрались? Я должна знать.

– Мы недалеко, – говорит Мадикен. – Мы будем гулять тут, у себя, не выходя за калитку.

Лисабет услышала и засмеялась:

– Совсем недалеко. Потому что мы...

– Ты бы помолчала, – говорит Мадикен. – Я ведь и так уже сказала, что мы не будем выходить за калитку.

Альва осталась довольна, можно будет не отвлекаясь спокойно заниматься глажкой.

Около сарая стоит на всякий случай стремянка. Мадикен не раз влезала по ней на крышу сарая, а там уже поверху, точно канатоходец, перебиралась на крышу прачечной, потому что над нею нависают ветви грушевого дерева, которое растёт за забором у Нильсонов, а Мадикен очень любит лакомиться с него мелкими сладкими грушами, которые поспевают в августе.

Лисабет тоже пробовала залезть на стремянку, но дальше второй или третьей перекладины не поднималась, а тут ей предстоит забраться на крышу – чудесное и жуткое приключение! «Но так, наверное, и должно быть на экскурсии», – думает Лисабет. Мадикен залезает первой и втаскивает корзинку. У неё это получается легко и быстро. За нею полезла осмоторительная Лисабет, постепенно всё больше сбавляя скорость. Наконец она всё же добралась до верха и, заглянув за водосточный желоб, увидела Мадикен, которая уже принялась разбирать корзинку с угощением.

Лисабет вдруг подумала, что это место не такое уж хорошее, на горе, пожалуй, было бы лучше.

– А знаешь что, Мадикен, – говорит она. – Что-то мне не хочется залезать на эту крышу.

– Ты лучше не кричи, а то не будет никакой экскурсии, – говорит Мадикен. – Давай-ка я тебе подсоблю.

Лисабет вся дрожит от страха, но Мадикен, поднатужившись, подтягивает её и в конце концов втаскивает наверх, несмотря на жалобные причитания:

– Ой, Мадикен! Ты с ума сошла! Ты категорически с ума сошла, Мадикен!

Только когда они уселись верхом на коньке крыши с корзинкой посредине, Лисабет снова повеселела.

– Гляди-ка, Мадикен! Мне отсюда всё видно на кухне у Нильсонов, – говорит Лисабет.

Мадикен радостно кивает:

– Ага! А что я тебе говорила? Отсюда очень хороший вид... видно всё, что делается у Нильсонов. Я-то уже столько раз смотрела!

Девочки сидят и разглядывают, что там у Нильсонов. Вон Аббе, как всегда, колдует над противнем. Тёти Нильсон не видно, зато видно дядю Нильсона, он лежит на кухонном диване и спит.

– Пьяный, конечно, – говорит Мадикен. – В субботу он всегда пьяный.

Вдруг Аббе поднимает голову и, заметив девочек, бросает свою работу. Он идёт к окну и начинает строить такие страхолюдные гримасы, что девочки чуть не захлёбываются от смеха. Глядя на Аббе, Мадикен не понимает, как он умудряется корчить такие рожи. «Аббе – красивый, когда не кривляется», – думает Мадикен, у него такие белые волосы, и такие голубые глаза, и рот такой большой. Конечно же Аббе – красивый. Сейчас, правда, у него такое наморщенное и перекошенное лицо, что он стал похож на тролля, и никакой красоты не видно, зато такая умора, что только держись! Иначе, того и гляди, скатишься с крыши.

Скоро Аббе выходит из дома.

– Здравия желаю! – говорит Аббе, задрав голову. – Как живёте-можете?

– Хорошо живём-можем, – отвечает Мадикен.

А что может быть лучше, чем сидеть на крыше и болтать с Аббе?

– У нас экскурсия, – поясняет Лисабет.

– Оно и видно! – говорит Аббе. – А что там у вас в корзинке?

– Фрикадельки, и сосиски, и ещё всякая всячина, – говорит Мадикен.

– Очень много всячины, – говорит Лисабет.

Аббе висит на заборе, разделяющем сад Юнибаккена и Люгнета³ (так называется усадьба Нильсонов). Аббе задумчиво молчит.

– Давайте поспорим! – предлагает он вдруг. – Поспорим, что вам слабо запулить мне в рот фрикадельку. Ни за что не попадёте!

Мадикен и Лисабет встречают предложение с восторгом. Уж Аббе всегда придумает такое развлечение, какое другим и не снилось.

– Ха-ха! Сейчас мы тебе покажем! – кричит Мадикен и хватается за фрикадельку.

Мадикен старательно целится и швыряет её прямо в разинутый рот Аббе, но попадает ему в лоб. Фрикаделька катится по земле и замирает на подстилке из пожелтевшей осенней листвы. Аббе её хватить – и в рот.

– Ну, что я говорил! Куда уж вам попасть! Сразу видно, что не можете.

– А это мы ещё посмотрим! – говорит Мадикен. – Видал-миндал!

Летит вторая фрикаделька и, пролетев мимо уха, падает у ног Аббе. Он её подбирает с земли и тоже засовывает себе в рот.

– Видал, видал! – говорит Аббе. – Теперь-то уж совершенно точно доказано, что ты не умеешь бросать в цель, Мадикен!

– А теперь я, – говорит Лисабет. – Я тоже хочу бросить фрикадельку.

Она кидает, даже не целясь, и её котлетка летит по воздуху и шлёпается около забора.

– Обе вы – недотёпы! – говорит Аббе.

Он просовывает руку между реек забора и вытаскивает котлетку.

Мадикен и Лисабет делают по новому броску. После нескольких попыток Мадикен говорит:

– Нам нечем кидаться, все фрикадельки кончились.

– А вдруг сосиски сподручнее? – говорит Аббе. – Они вроде как ровнее летают. Давайте посмотрим, что получится!

Мадикен и Лисабет охотно делают новую попытку. Один раз Мадикен сумела изловчиться, и сосиска попала Аббе между глаз, но это было её лучшее достижение.

– У нас ещё остались две сосиски, – говорит Мадикен, – эти уж мы оставим себе.

– Неужели вы думаете, что я могу тут день-деньской стоять как столб, пока вы будете упражняться в метании сосисок! – говорит Аббе. – Счастливо оставаться, девочки! Поищите себе кого-нибудь другого, если хотите ещё побросать!

И Аббе исчезает на кухне.

– Ну, пора начинать экскурсию, – говорит Лисабет.

Это значит, что она решила подкрепиться.

Девочки подъели оставшиеся сосиски, потом варёные яйца, и яблочный пирог, и булочки с корицей. Всё было очень вкусное, и они наелись почти досыта, хотя и разбросали все фрикадельки и почти все сосиски. Они ели и запивали молоком, но Лисабет взмахнула рукой со стаканом и половину расплескала. По черепичному скату потёк белый ручеек прямо в дождевой жёлоб.

– Представляешь, как удивятся воробьи, когда прилетят и увидят в жёлобе молоко! – говорит Мадикен.

– Да, и, наверное, обрадуются, – соглашается Лисабет. – А что мы теперь будем делать, Мадикен?

– Теперь надо хорошенько полюбоваться видом, ради этого люди и ездят на экскурсии, – внушительно объясняет Мадикен.

– Да ну? – удивляется Лисабет.

³ Люгнет (*шв.*) – буквально: отдохновение, спокойствие.

– Вот тебе и ну! Так нам сказала учительница, и мы в среду будем любоваться. А мальчишки говорят, больно нужен этот вид! Им бы только побеситься.

Но Мадикен с Лисабет не то что мальчишки. Они готовы все глаза проглядеть, любуясь видом. И они разглядывают не только кухню у Нильсонов, а ещё вертят головой во все стороны, именно так, как полагается на экскурсии. Сверху им далеко видать: видны нависшие над водой ивы, излучина реки, дома и сады. Все деревья в золотой и багряной листве, над головой ясная синева неба – красота! Девочки, запрокинув голову, глядят вверх. Вот где открывается самый широкий вид! И вдруг замечают птицу, которая парит высоко-высоко в синеве.

– Вот кому, наверное, больше всех видно! – говорит Мадикен. – Как бы я хотела летать!

– Люди не летают, – говорит Лисабет.

– Ещё как летают – на аэропланах! – возражает Мадикен.

Об аэропланах ей рассказывал Аббе. Аэропланы летают на войне, но и в Швеции тоже есть аэропланы. Мадикен много бы отдала за то, чтобы на них хоть посмотреть. А Линус Ида говорит, что летать по воздуху грешно. «Право слово, если бы Богу было угодно, чтобы люди летали, он сотворил бы их птицами», – говорит Линус Ида.

Лисабет согласна, что аэропланы – вещь замечательная, но ведь не одни аэропланы могут летать!

– Знаешь что, Мадикен, – говорит она. – Йон Блунд⁴ тоже умеет летать, и ему для этого ничего не надо, кроме зонтика.

Мадикен презрительно фыркает:

– Какое ты ещё дитя, Лисабет!

Но сама задумывается. Аббе говорил, что на войне один лётчик спрыгнул с самолёта, раскрыв большой зонтик. Мадикен, конечно, понимает, что под зонтиком нельзя летать куда хочешь, как Йон Блунд, а вот спуститься с аэроплана на землю очень даже можно. Ну а если... с другого высокого места? Мадикен прикидывает в уме: крыша сарая тоже высоко от земли.

– Пожалуй, я попробую, – говорит Мадикен.

– Что ты попробуешь? – спрашивает Лисабет.

– С раскрытым зонтиком, – говорит Мадикен.

Услышав подробно, что придумала Мадикен, Лисабет так засмеялась, что даже стала икать.

– С ума сойти, Мадикен! – говорит Лисабет. – Мы будем играть, как будто ты Йон Блунд?

– Нет, представь себе, не будем! Это ребячество, – говорит Мадикен. – Я хочу спрыгнуть вниз, как будто я лётчик. Понятно?

– С ума сойти, Мадикен! – повторяет Лисабет.

Но для начала надо раздобыть из прихожей папин зонтик, да так, чтобы не заметила Альва. Кто её знает, одобрит ли Альва полёты с зонтиком. Чего доброго, поднимет крик, потому что она, может быть, ещё не слыхала, как это делается на войне.

Когда Лисабет поняла, что её оставляют на крыше одну, ей стало не до смеха, но Мадикен её утешила:

– Я скоро вернусь. А ты пока погляди, что делается у Нильсонов. Сиди только и не ёрзай, тогда не скатишься.

С этими словами Мадикен полезла вниз и скрылась из виду.

Сначала она заглянула на кухню. Там Альва гладит бельё. Пот струится у неё по лицу. В плите гудит огонь, на ней греются утюги. Из кухни пышет жаром, как из печки, не помогают даже раскрытые окна.

При виде Мадикен Альва обрадовалась:

– Вот хорошо! Мне и бегать не надо, чтобы за вами приглядывать. Ну, как ваша экскурсия?

– Шик-блеск, – говорит Мадикен.

– А где же Лисабет? – спрашивает Альва.

– Она осталась там на... на экскурсии, – говорит Мадикен и выскальзывает в прихожую, не дожидаясь следующего вопроса.

В прихожей в подставке для зонтов стоит папин зонт.

⁴ Йон Блунд – волшебный персонаж шведского и шведоязычного фольклора. Он, как и датский Оле-Лукойе, навевает сны детям.

Едва Мадикен успела его вытащить, как из кухни выглядывает Альва.

– А Сассо с вами? – спрашивает она.

– Не-а! – отвечает Мадикен, пряча зонтик за спину.

– Опять, поди, удрал в город, – говорит Альва. – А зачем это тебе понадобился зонтик?

– Это я так... на всякий случай. Вдруг начнётся дождик! – говорит Мадикен.

– Дождик? Это сегодня-то? Выдумаешь тоже! – говорит Альва. – Сейчас же поставь зонтик на место!

Мадикен даже зло взяло. Не хватало ещё сейчас тратить время на споры о погоде, когда она первый раз в жизни собралась полетать!

– Так надо! На экскурсию всегда берут зонтик, – говорит она сердито. – А если погода испортится? Хороши мы тогда будем!

Альва смеётся:

– Как же она так быстро испортится? Да вы десять раз успеете добежать до веранды. Ну да ладно уж. Бери зонтик, раз вам так надо. Но смотри, чтобы потом поставить на место, а то папа будет сердиться.

– Да, да, да, – нетерпеливо бросает Мадикен и выскакивает с веранды за дверь.

Какая тишина кругом! Жизнь словно замерла в Юнибаккене. Тут готовится такой замечательный полёт, а нигде ни души, и никто его, кроме Лисабет, не увидит. Окно из кухни, где осталась Альва, выходит на другую сторону. Аббе куда-то запропастился. Дядюшка Нильсон спит на диване. Да, так уж вышло, что, кроме Лисабет, никого не оказалось рядом, когда Мадикен вздумала полетать, как военный лётчик. Никто, кроме Лисабет, не видел, как она встала на краю крыши и раскрыла большой чёрный зонт. Никто, кроме Лисабет, не видел, как она высоко подняла зонт над головой и приготовилась прыгать.

– С ума сошла, Мадикен, – говорит Лисабет. – Каттегоритчески! С ума сошла!

– Да ну! Ничего страшного, – говорит Мадикен.

Всё-таки ей и самой теперь кажется, что до земли довольно далеко. Но ведь если с зонтиком можно прыгать с самолёта с высоты в тысячу метров, то, значит, с крыши-то и подавно можно.

Крепко сжимая ручку зонтика, Мадикен стоит на краю, изображая гудящий аэроплан. Как его надо изображать, она знает от Аббе. Правда, Аббе ни разу в жизни не видел и не слышал аэроплана, но всё равно, уж он-то знает, Аббе всё знает.

– Тырр-тырр-тырр, – тарахтит Мадикен.

– Ой! – вскрикивает Лисабет.

И Мадикен полетела. Она заносит ногу в пустоту, один шаг и – «бумс».

– Ужас как ты быстро! – кричит Лисабет.

Она ползёт по крыше на животе и заглядывает через край. Где же Мадикен? А Мадикен неподвижно лежит, уткнувшись лицом в землю, и молчит. Рядом – зонт с переломленной ручкой.

– Что с тобой, Мадикен?! – кричит Лисабет. – Ты умерла?

Мадикен не отвечает.

– Мадикен, скажи, ты не умерла?! – кричит в страхе Лисабет.

Но Мадикен опять не отвечает. Тогда Лисабет поднимает громкий рёв.

– Мама! – захлёбывается плачем Лисабет. – Мамочка!

Сейчас ей так страшно, словно она осталась одна на всём белом свете. И с крыши-то ей никак не слезть. На истошные вопли бедной Лисабет высовывается из окна дядя Нильсон:

– Что ты делаешь на крыше? Что это ты там разоралась?

– Мадикен умерла! – вопит Лисабет. – Мадикен умерла!

Тут уж дядя Нильсон второпях выскакивает из окна и сигает через забор. Опустившись около Мадикен на колени, он поворачивает к себе её бледное личико и видит на лбу кровь.

В этот миг на помощь подоспела Альва. Едва бросив взгляд на Мадикен, она останавливается как вкопанная и начинает душераздирающе голосить:

– Да что же это за горе на нашу голову!

Дядя Нильсон мрачно кивает.

– Всё кончено, – изрекает он глухо. – Нет больше Мадикен.

Очень приятный печальный день

Мадикен лежит в постели с перевязанной головой. Ей велено не двигаться.

– Только когда тебя будет рвать, тогда можешь немножечко двигаться, – говорит Лисабет.

Мадикен не умерла, и Лисабет очень рада. У Мадикен сотрясение мозга. Это не так опасно. При сотрясении мозга бывает рвота, но это не смертельно, сказал дядя Берглунд, а дядя Берглунд – доктор.

Ну и переполох был в Юнибаккене, когда Мадикен полетела, а потом лежала, как неживая, и долго не могла очнуться. Мама плакала, папа плакал – правда, поменьше, чем мама, – а Альва плакала вдвое громче, чем мама и папа.

– Это я виновата! – говорила Альва. – Но откуда же мне было догадаться, что она берёт зонт для того, чтобы летать!

И вот Мадикен лежит в постели и ничегошеньки не помнит, что она чувствовала во время полёта. Обиднее ничего нельзя придумать. Получается, что она зря летала. А тут ещё в придачу какое-то дурацкое сотрясение мозга! Дядя Берглунд сказал, что ей придётся лежать в постели по крайней мере четыре дня.

Когда Мадикен слышала это от мамы, она заревела во весь голос:

– Четыре дня! Я не могу столько! В среду будет экскурсия, и мне надо...

– Ничего тебе не надо, – говорит мама, – довольно с тебя одной экскурсии.

Лисабет кивает головой:

– Довольно с тебя одной экскурсии. А теперь лежи и реви!

Тут уж Мадикен задаёт им Великое Землетрясение. Так папа называет скандалы, которые закатывает Мадикен, когда она не помнит себя от ярости и отчаяния. Слезы брызжут у неё из глаз, и она орёт на весь дом:

– Я хочу на экскурсию! Я поеду на экскурсию! У-у-у, лучше бы я умерла!

Лисабет с интересом наблюдает и пытается её утешить:

– В моей школе у всех детей было сотрясение мозга, и никто не пойдёт на экскурсию.

Мама тоже пытается утихомирить Мадикен:

– Если ты будешь так плакать, у тебя ещё больше разболится голова.

– Пускай! Мне всё равно! – вопит Мадикен. – Лучше бы я умерла!

Расстроенная мама встаёт и уходит из комнаты. Линус Ида занята на кухне, она помогает Альве варить яблочное повидло. Услышав дикие крики, она идёт вверх в детскую и, строго глядя на Мадикен, говорит:

– Право слово, Мадикен, ты ведёшь себя безбожно! Помни о своём Создателе смолоду, сказано в Писании. Так вот ты и вспомни о нём, вместо того чтобы призывать к себе смерть!

Но Мадикен ни о чём не желает помнить, кроме экскурсии, и она кричит на Линус Иду:

– Оставьте меня в покое!

Линус Ида озабоченно качает головой.

– Вот оно что! – говорит она. – Знакомая песенка! Как видно, к нам опять пожаловал Себастьян Нигге.

Для Линус Иды нет никого хуже Себастьяна Нигге. Он является в дом, когда Мадикен и Лисабет ведут себя не так примерно, как следует по её понятиям. На первый взгляд кажется, что в постели лежит и скандалит Мадикен. Но это только так кажется. На самом деле – это Себастьян Нигге, а настоящая послушная Мадикен сидит в это время в печной трубе и не может оттуда выйти, пока Себастьян Нигге не соизволит убраться восвояси.

– Вот беда, что он как раз сегодня к нам нагрязнул! – говорит Линус Ида.

– А по-моему, это даже лучше, – говорит Лисабет. – Значит, и голова болит у него, и рвёт тоже его, а Мадикен сидит себе в печной трубе, и ей хоть бы что!

Мадикен исподлобья сердито смотрит на Лисабет и Линус Иду. Для Лисабет детские сказки про Себастьяна Нигге, может быть, и хороши, а Мадикен из них давно выросла.

– Ладно уж! Лежи себе и не ерепенься! – говорит Линус Ида. – Радуйся, Мадикен, что жива осталась. А то вишь она летать вздумала! Ещё немного, и убила бы насмерть.

Но Мадикен что-то не радуется. Она с головой закрывается одеялом и плачет. Каждый день она просыпается с надеждой на чудо – вдруг сейчас войдёт мама и скажет так:

– Подумаешь, сотрясение мозга! Ну и что такого? А между прочим, самое верное средство от него – пойти на экскурсию! Может быть, в среду ты всё-таки поедешь с классом? Ну, что ты скажешь?

Однако мама ничего подобного не говорит. Она только ободряюще улыбается разнесчастной Мадикен и гладит её по щёчке.

– Не огорчайся, детка, – говорит мама. – Мы придумаем тебе в утешение другое удовольствие.

Хорошенькое утешение – другое удовольствие! Да разве есть на свете что-нибудь такое, что может быть лучше экскурсии!

Во вторник вечером Мадикен молится Богу, чтобы он помог ей в этом горе. Она молится шёпотом под одеялом, чтобы Лисабет не услышала:

– Добренький Боженька, помоги мне! Мне так хочется на экскурсию. Сделай так, чтобы дядя Берглунд позвонил маме и сказал, что я уже выздоровела. Я правда уже здорова. Только надо поскорее, а то мы не успеем подготовиться, а мне надо взять в дорогу бутерброды и шоколад, и Альва ещё должна погладить мою матроску. Так что ты уж скажи дяде Берглунду, чтобы он скорее звонил. Пожалуйста, милый Боженька! А то мне так хочется на экскурсию! Аминь.

Окончив молитву, Мадикен напряжённо ждёт, чтобы зазвонил телефон. Но звонка нет и нет. Только Лисабет без конца канючит из соседней кровати:

– Расскажи про привидения, про убийц и про войну!

Но Мадикен не до рассказов. Она ещё долго прислушивается к телефону.

Так и не дождавшись звонка и всплакнув, она наконец засыпает...

В среду Мадикен просыпается спозаранку. За окном солнце, синее небо. Такой прекрасный день для всех счастливицов, у кого нет сотрясения мозга! Мадикен сразу посмотрела на часы. Скоро восемь. А в восемь часов отправляется поезд. Все её одноклассники, наверное, уже в сборе и ждут на перроне. В своём воображении Мадикен видит, как они хохочут, тараторят, живо влезают в купе и, сгрудившись у окна, выглядывают наружу. Как им весело ждать, когда поезд запыхтит и тронется в путь!

Мадикен не отрывает тоскливого взгляда от часов с кукушкой, которые висят напротив её изголовья. Часы тикают, и минутная стрелка всё ближе придвигается к восьми. Вот выскакивает кукушка и принимается куковать. Откуковав без всякого смущения восемь раз, она прячется в домик. А Мадикен разражается слезами, потому что поезд уехал, а она, несчастная, должна лежать в кровати, и никогда, никогда у неё не будет ничего хорошего!

Рядом просыпается в своей кровати Лисабет. У неё прекрасное настроение. Лисабет не понимает, какой сегодня печальный день, она даже принимается распевать:

А Б В Г
Снег был на дворе,
Кошка по снегу прошла,
То, мой друг, любовь была.

Она пропела песенку в точности, как её научила Мадикен. Но Мадикен ни с того ни с сего как зашипит:

– Цыц, несмышлёныш! Цыц, тебе говорю!

– Вон оно что! Знакомая песенка. Как видно, к нам опять пожаловал Себастьян Нигге, – говорит Лисабет, чувствуя себя Линус Идой.

Но тут открывается дверь и входит мама с подносом. На подносе стоят две большие голубые кружки, кувшинчик с шоколадом и блюдо с горячими вафлями.

Лисабет смотрит на это круглыми глазами.

– У меня сегодня рождение? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает мама. – Чтобы доставить себе удовольствие, не обязательно ждать дня рождения. Поднимайся, Мадикен, и садись! Вот тебе шоколад и вафли.

Мадикен медленно выползает из-под одеяла. Глаза у неё заплаканные. Мама целует её в щёчку и подаёт вафли с шоколадом. Не говоря ни слова, Мадикен принимается за еду. Она молча уплетает вафельные сердечки одно за другим. Ресницы у неё ещё мокрые от слёз, и день сегодня, как известно, печальный, но вафли с шоколадом – это как-никак хорошо.

– Вкусно, – говорит Мадикен. – Как будто обычный день рождения.

– Конечно, – говорит мама. – Мне тоже так кажется.

Мама опять уходит.

Лисабет быстро расправилась с завтраком. Начисто облизав пальцы, перепачканные в сахаре и сливках, она вылезает из кроватки. Пора одеваться.

Едва Лисабет закончила одевание, как снизу послышался звонок, кто-то пришёл.

– Это почтальон, – говорит Лисабет. – Хочешь, я пойду вниз и узнаю, не принёс ли он что-нибудь для нас?

Правда, для Лисабет и Мадикен очень редко бывает почта, однако они на всякий случай каждое утро заглядывают в почтовый ящик. Но сейчас Мадикен только пожимает плечами. Сегодня печальный день, с какой стати для них сегодня будет почта?

Но Лисабет уже побежала вниз. Оставшись одна, Мадикен может всласть предаваться мыслям об экскурсии. Она глядит на часы... Поезд уже приехал на место. Сейчас ребята, наверное, идут по дороге и поют, все её товарищи... Она так ясно видит, как они бодро шагают парами. Скоро они придут на гору и будут есть бутерброды, а она лежит в постели и никогда не увидит ничего хорошего!

И тут к ней влетает запыхавшаяся Лисабет.

– С ума сойти, Мадикен! – кричит она. – Для тебя есть три открытки и посылка!

– Да что ты? – восклицает Мадикен и, сразу оживившись, подскакивает на постели.

А надобно вам сказать, что Мадикен и Лисабет собирают открытки. У каждой набралось уже почти по целому альбому. На день рождения или именины, бывает, получаешь замечательные открытки. Иногда с цветочками, иногда с котятами или щенками, а иногда с нарядными бороатыми дяденьками в обнимку с дамами в прекрасных платьях. Открытки бывают гляцевые, эти – самые лучшие. А сейчас Мадикен получила сразу три гляцевые открытки, хотя у неё сегодня не день рождения и не именины, а всего лишь было сотрясение мозга.

Мадикен даже вся покраснелась при виде открыток. Ах, до чего же они красивые! На первой нарисован белый голубок с алой розочкой в клюве, на другой прекрасный ангел летит по тёмно-синему небу среди золотых звёздочек, а на третьей мальчик в бархатном костюмчике держит в руках большущий букет жёлтых роз.

При виде такого богатства Мадикен даже вздыхает от избытка счастья, и к горлу у неё подкатывает комок – такая это неземная красота!

– Ты посмотри, от кого открытки! – напоминает Лисабет.

Мадикен поспешно переворачивает открытки другой стороной.

«От хорошего друга», – написано на всех трёх печатными буквами.

– И кто бы это только мог быть? – говорит Мадикен.

Обычно открытки бывают от бабушки, от кузин, а тут – от какого-то друга. Очень странно и непривычно получить открытку неведомо от кого.

– Может быть, это Аббе? – подсказывает Лисабет.

– И сразу три открытки? Он же не сумасшедший! – говорит Мадикен.

Она так обрадовалась открыткам, что совсем забыла про посылку. Но сейчас она вспомнила и торопливо начинает её потрошить.

Внутри оказывается картонка, а в ней много-много шелковистой розовой бумаги. Мадикен и Лисабет обмениваются взглядами, обе дрожат от нетерпения. Под этой шёлковой бумагой может оказаться всё, что угодно. Какое это восхитительное чувство, когда ты не знаешь, что спрятано внутри! Мадикен наклоняет лицо и нюхает:

– Как ты думаешь, что это такое?

Лисабет тоже нюхает:

– Не знаю.

– Посмотреть, что ли?

– Категорически!

Зашуршала бумага под нетерпеливыми руками Мадикен. Лисабет смотрит затаив дыхание.

Сверху лежит письмо. На конверте написано: «Мадикен от бабушки». Но бабушка прислала ещё что-то, кроме письма. Ой, и правда! Там лежит маленький-маленький пупсик, и маленькая-маленькая ванночка, чтобы купать пупсика, и маленькая-маленькая бутылочка с соской, чтобы его поить, и маленькое-маленькое мыльце, чтобы его мыть. А ещё там лежит мешочек с бусинками, которые надо самим нанизать на нитку, и будет ожерелье, и две маленькие зелёные коробочки с хорошенькими картинками на крышках, а внутри каждой – розовая свинка из марципана и перстенёк.

Лисабет таращит глаза на богатства, которые получила Мадикен, и лицо у неё делается всё более задумчивым. Наконец она обиженно говорит:

– Я тоже хочу сотрясение мозга!

Тогда Мадикен берёт в каждую руку по коробочке.

– Которую ты выбираешь? – спрашивает она. – Тебе колечко с красным камешком или с голубым?

– С зелёньким, – говорит Лисабет.

– Вот дурочка! – говорит Мадикен. – Зелёнького нету.

– Тогда я хочу голубенький, – решает Лисабет. – Ой, какая же ты добренькая, Мадикен! Мадикен и сама считает, что она очень добрая, и ей от этого приятно. И ещё ей приятно, что обида прошла и что она отвязалась от мыслей об экскурсии.

– На горе, может быть, очень здорово, – говорит Мадикен. – Но думаю, что с крыши сарая вид был наверняка ещё лучше.

– Категорически! – говорит Лисабет. – Оттуда же видно кузню Нильсонов.

Мадикен и Лисабет надели перстенёчки и любят, растопырив пальцы. Им кажется, что они сейчас настоящие взрослые дамы.

– Мой камушек алый, словно капелька крови, – говорит Мадикен. – А твой, Лисабет?

– Мой камушек голубенький, словно небо, – говорит Лисабет. И, в общем, она права.

Девочки надолго занялись своими колечками. Они их сравнивали, положив рядом руки, и рассуждали, которое из них красивее.

Оказывается, Мадикен больше любит красные камешки, потому что они алые как кровь, а Лисабет больше любит голубые, потому что они голубенькие.

– Ой, я же ещё не прочитала бабушкино письмо! – спохватывается вдруг Мадикен и разрывает конверт.

Бабушка написала письмо печатными буквами, потому что Мадикен ещё не умеет читать по-письменному, Лисабет удивляется, как это Мадикен, посмотрев на крошечные закорючки, узнаёт, о чём написала бабушка.

– Неужели ты правда уже умеешь? – спрашивает она.

Конечно, Мадикен умеет. Разобрав по складам, что написано, она поняла всё, что ей хотела сказать бабушка. Бабушка хочет, чтобы она отдала одну коробочку Лисабет, а бусинки из мешочка поделила поровну на двоих.

– Видишь, какая я добрая! – говорит Мадикен. – Я отдала тебе коробочку раньше, чем прочитала письмо.

– Ты добрая, Мадикен, – говорит Лисабет и тянет мешочек к себе. – Давай сюда мои бусы, я сделаю себе ожерелье!

Но Мадикен хватает мешочек и вырывает у неё из рук.

– А ну отдай! – говорит она. – Вот когда у меня будет время, тогда я поделю. А пока подожди.

– У тебя сейчас есть время, – говорит Лисабет.

– Представь себе – нет! – отвечает Мадикен.

Она берёт со столика стакан и наливает себе воды из графина. Потом медленно, маленькими глоточками выпивает его до дна. Потом берёт розовую бумагу и начинает разглаживать её. Затем она сгибает каждый листочек в несколько раз и складывает аккуратной стопочкой – сразу видно, что она занята делом, ей некогда пересчитывать бусины.

Тем временем она про себя размышляет. Вообще-то мешочек с бусами – пустяк по сравнению с нарядной коробочкой, думает Мадикен. Но почему-то ей легче было расстаться с коробочкой, чем поделиться бусами.

В душе Мадикен чувствует, что ей хочется оставить себе весь мешочек. Но она знает, что, если не дать сестрёнке бус, та пойдёт к маме и наядбедничает, и уж тогда, хочешь не хочешь, придётся делиться.

Мадикен очень обстоятельно и аккуратно укладывает бумагу в картонку и наконец со вздохом говорит:

– Ну вот, теперь у меня есть время.

Она высыпает бусы на поднос и делит их поровну на две кучки. Осталась одна лишняя жёлтая бусина, самая большая, и Мадикен отдает её Лисабет.

– На, это тебе! – говорит она. Потому что жадность нападает на Мадикен не чаще двух раз в день, да и то ненадолго.

Потом Мадикен и Лисабет нижут бусы и в ожерельях становятся такими нарядными, что дальше некуда. Потом они играют с пупсиком, купают его в ванночке, моют душистым мыльцем, а после купания укладывают спать в ящичек из-под сигар и дают ему попить из соски.

– Надо же! – говорит Мадикен. – Такой печальный день, а на самом деле оказался очень приятный.

Лисабет с ней соглашается:

– Даже очень приятный печальный день.

Но под конец Лисабет устала, и ей захотелось на улицу.

– Мне надо погулять с Сассо, – говорит она – и шмыг за дверь.

Играть одной неинтересно, Мадикен стало скучно, и она не знает, чем бы ей заняться.

Но тут как раз пришёл с работы папа, чтобы позавтракать. На минутку он заглядывает в детскую.

– Как идут дела? – спрашивает папа.

– Шик-блеск! – отвечает Мадикен. – Только мне скучно.

– Ну так почитай газету, – говорит папа и достаёт её из кармана. – А вот тебе в придачу альбом для рисования. Нарисуй мне что-нибудь хорошее, а я посмотрю, когда вернусь к обеду.

Мадикен умеет уже читать так быстро, что даже учительница удивляется. И когда папа ушёл, она послушно развернула газету, но мало что в ней поняла. Больше всего там написано о войне, потом есть ещё объявления о продаже быков и свиней, о том, что кто-то умер, о помолвках и о превосходных пальто и платьях для дам. Там есть ещё много чего другого, но, кажется, это всё очень скучные вещи.

Мадикен с недоумением вчитывается в заголовки. В одном месте большими буквами написано: «Из минувших времён». Мадикен раньше не встречала этого слова и не знала, что такое «минувшие» времена, но быстро догадалась. Оказывается, там написано, как жили люди до нас. Как им, бедняжкам, скучно жилось! Мадикен вздыхает и откладывает газету в сторону. Как странно, папа сам такой шутник, а делает такую скучную газету! Он ведь редактор. Значит, это он решает, что надо напечатать. Отчего же он не придумает что-нибудь поинтереснее? Должно быть, это трудно – писать газету... «А что, если попробовать, как это на самом деле?» – думает Мадикен.

И вот она решает сделать свою газету. Конечно, она не может её напечатать, но ведь можно написать печатными буквами, а заголовки она вырежет из папиной газеты, вот и будет всё по-взаправдашнему.

Разложив на подносе альбом для рисования, карандаш, ножницы и баночку с клеем, Мадикен берётся за дело. Сверху она приклеивает на чистом листе заголовок «Из минувших времён», который вырезала из папиной газеты. Теперь надо сообразить, что под ним написать. Мадикен в задумчивости грызёт карандаш. Потом она пишет:

Из минувших времён

*Щас я расскажу чего делали дети
впрежние времена они слышали маму
но были икапризули и непослушные
уних были каменные тапоры
но скоро они научились стрелять изружья*

Больше Мадикен не хочется писать про минувшие времена. Она берёт ножницы и вырезает из папиной газеты новый заголовок: «С места военных действий». Наклеив его на новый лист, она опять задумывается и опять грызёт карандаш. Подумав немного, она выводит:

С места военных действий

На войне страшно салдаты

*сидят вакопах и мёрзнут.
Но один салдат прыгнул
с зонтеком и незаболел
сытрисением мозга.
Он выпрыгнул из аэраплана.*

На этом Мадикен кончает писать про войну. Теперь надо поискать, что ещё подскажет ей папина газета. Объявления... Объявления тоже, наверное, нужны, чтобы газета была как настоящая.

Она вырезает заголовок «Смерти» и наклеивает его на чистый лист.

И опять она в раздумье грызёт карандаш. На этот раз долго размышлять не пришлось. Радостно кивнув, Мадикен начинает писать.

Написав объявление, Мадикен рисует вокруг чёрную рамку. И тут она чувствует, что больше ей уже не хочется делать газету, а лучше она порисует. Мадикен делает рисунок для папы. На рисунке изображено, как Мадикен летит с крыши сарая. Рисунок получился очень хороший.

Папа его увидел, когда пришёл обедать. Папе тоже понравился рисунок. Мадикен в купальном халате сидит за столом вместе со всеми. Ездить на экскурсии ей, может быть, ещё и нельзя, но уж есть пюре и яблочный крем, конечно, можно.

А потом наступил вечер, Мадикен и Лисабет лежат в своих кроватках и собираются спать. Но сперва в детскую приходят мама и папа посидеть с девочками на сон грядущий. Мама рассказывает им о приключениях принца Хатта в подземном королевстве, а папа показывает на стене забавные тени. Керосиновая лампа освещает детскую слабым светом, но папа снял абажур, свет сделался ярче, и тени получились замечательные. Они шевелятся на стене, иногда там появляется козлик с рожками, иногда танцующая девочка, а иногда просто шевелятся папины руки, и всё.

Как это здорово, когда папа и мама приходят в детскую вместе! Мадикен хотела бы, чтобы они сидели долго-долго. Но вот мама говорит:

– Ну всё! Пора наконец спать.

И ведь надо же! Лисабет уже спит. А Мадикен в этот вечер ещё долго не засыпает. Она опять думает об экскурсии. Экскурсия, конечно, давно уже кончилась, но всё-таки! Послезавтра Мадикен пойдёт в школу, она хорошо знает, о чём там будут разговоры. Все-все дети только и будут говорить, как там было здорово, как восхитительно, все, кроме Мадикен! Ах, ну почему так вышло, что ей не разрешили поехать!

А на небе сегодня такие большущие звёзды! Сквозь щели в жалюзи видно сразу много звёзд. Они почти такие же красивые, как на открытке с ангелом. Мадикен принимается считать звёзды, но у неё плохо получается. Она считала-считала и захотела спать.

Весь дом уже спит, спит Юнибаккен на берегу реки, среди белых берёз. В доме темно, только мама ещё не спит. Скоро и она уснёт, но сперва заглянет в детскую, чтобы подоткнуть одеяльца у своих дочек.

Вот мамин зелёный ночничок осветил кроватку Лисабет. Лисабет, как всегда, спит на животе. Видна только полоска загорелой шейки и густая копна золотистых кудрей. Когда мама склоняется над ней, она бормочет сквозь сон:

– Ты с ума сошла, Мадикен!

От младшей дочки мама переходит к большенькой. А большенькая, когда спит, кажется совсем ещё маленькой, и на бледном личике резко чернеют густые ресницы. На полу возле кровати валяется какой-то листок. Мама поднимает его и, поднеся к ночнику, читает:

СМЕРТИ

*С радостью извещаем
скончался
наш пративный гаткий
Себастьян Нигге
Похорон небудет*

В пятницу утром Мадикен отправляется в школу. Она уныло плетётся, еле волооча ноги. Не хочет Мадикен приходить в школу и слушать разговоры об экскурсии.

Через двадцать минут она возвращается и вихрем врывается в калитку. Галопом – нет! как на крыльях – она влетает в кухню, до полусмерти перепугав маму, которая конечно же должна была подумать, что случилось что-то ужасное. Как же Мадикен могла вернуться, когда идут уроки, да ещё в таком ошалелом виде?

– Мама, – выпаливает Мадикен, еле переводя дух, – у нас будет экскурсия... сегодня... прямо сейчас... в среду ничего не было... Учительница оступилась на лестнице... Ой, как я рада!.. У неё было сотрясение мозга... налейте мне шоколаду в термос... А где моя матроска?.. Скорее, мама, скорей!

В это время, как всегда по пятницам, приходит Линус Ида, чтобы сделать большую уборку, и у калитки сталкивается с Мадикен. Мадикен выбегает в матросском платье и матросской шапочке. Как она сияет и как весело подскакивает у неё на спине рюкзачок, потому что на радостях она бежит вприпрыжку!

– Я еду на экскурсию! – говорит Мадикен. – Я так счастлива!

– Вон оно что! – говорит Линус Ида. – А кто это у нас недавно ревел в постели и соби-
рался умирать? Сегодня-то вроде бы на другой лад поёшь?

– Ха-ха! – отвечает Мадикен. – Это Себастьян Нигге собрался умирать. Он и помер. Вон, даже в газете написано.

– В какой же это газете? – спрашивает Линус Ида.

– Ха-ха! – смеётся Мадикен. – Не скажу!

С этими словами она убегает на экскурсию. Она поедет на поезде и будет сидеть на горе и есть бутерброды. Удивительно ли, что она так и лучится радостью!

Лисабет запихивает себе в нос горошину

Вот и осень настала, и в Юнибаккене по четвергам едят гороховый суп. Но не подумайте, что Лисабет каждый четверг запихивает себе в нос горошину, это случилось только один раз. Лисабет вообще мастерица засовывать разные вещи куда не надо. Ключ от комнаты прислуги она однажды засунула в почтовый ящик, мамино колечко бросила в свинью-копилку, папины велосипедные зажимы сумела-таки затолкать в пустую бутылку... Всё это она проделывает не назло, а просто чтобы посмотреть, получится или нет. Приятно ведь, когда удаётся просунуть вещь туда, куда она, казалось бы, ни за что не пролезет. А тут глядь, на полу горошина! Лисабет её сразу хватъ – и мигом запихала себе в нос. Ей просто интересно было узнать, залезет ли горошина. Залезла! Да ещё как глубоко!

Тогда Лисабет захотела вынуть горошину обратно. Она уже убедилась, что горошина вошла. А горошина-то и не поддаётся! Застряла – и никаких! Лисабет уж ковыряла-ковыряла – не вылезает горошина. Тогда Лисабет побежала за помощью к Мадикен. Мадикен тоже поковыряла. Нет, не получается, горошина не желает вылезать.

– Может быть, она уже пустила корешки, – рассуждает Мадикен. – Вот увидишь, скоро у тебя из ноздрей прорастут гороховые цветы... Хорошо бы, если бы вырос душистый горошек.

Этого Лисабет уже не стерпела и заревела в голос. Душистый горошек ей очень нравится, но пускай он себе растёт в саду на клумбе, а не так, чтобы у неё из носа! С оглушительным рёвом она бежит к маме.

– Мама, у меня в носу застряла горошина, вынь её обратно! Не хочу в носу горошину!

– Ой! – говорит мама. – Ой-ой-ой!

У мамы сегодня опять разболелась голова, мама хочет спокойно полежать и подремать, а не вытаскивать у Лисабет из носу горошину.

– Не хочу горошину! – кричит Лисабет. – Выньте горошину!

Мама берёт шпильку и пробует достать горошину. Поковыряла, поковыряла – нет, ничего не получается. Горошина застряла и не выходит.

– Мадикен, – говорит мама, – придётся тебе отвести Лисабет к дяде Берглунду. Наверное, он сумеет вынуть у неё горошину.

– Правда сумеет? – спрашивает Лисабет.

– Конечно, – говорит мама и снова ложится в постель. Уж очень у неё болит голова.

– Давай, Мадикен, пошли скорее! – говорит Лисабет.

Она ведь не знает, сколько времени нужно горошине, чтобы прорасти. Вдруг она возьмёт и прорастёт по дороге – вот будет ужас! Лисабет боится, что люди будут над ней смеяться.

Мадикен её утешает: если, мол, и вырастет из носу душистый горошек, то в этом нет ничего страшного.

– Ты можешь оторвать ростки, никто ничего и не увидит. А ты их воткнёшь себе в петличку, – говорит Мадикен.

Ну, Лисабет вообще-то не из тех, кто долго ломает голову над разными пустяками вроде какой-то горошины. Скоро она уже будет у доктора – с горошиной, можно сказать, покончено. А вот самостоятельный поход в город с Мадикен не каждый день случается!

– Вот здорово-то будет! – говорит Лисабет. – Пошли, Мадикен!

Дядя Берглунд живёт далеко. Он живёт возле большой площади в самом центре города, а усадьба Юнибаккен находится на окраине.

Мадикен ведёт младшую сестрёнку за руку. Мама порадовалась бы, если бы видела, что они идут так, как полагается.

– Мало ли какая ещё глупость взбредёт тебе в голову, – говорит Мадикен и чувствует себя при этом взрослой и рассудительной. Она как-то совсем забыла, кому из всей семьи чаще всего взбредают на ум разные глупости. Однако же поход в город – это и впрямь так здорово, что Мадикен не пристаёт к Лисабет с дальнейшими нравоучениями.

Вся улица засыпана опавшими листьями. Когда подденешь ногой, они так славно шуршат! И Мадикен с Лисабет старательно загребают ногами, расшвыривая кучи листвы. От усердия они размахивают руками, щёки у обеих разругались. Воздух прохладен и свеж, а цветы в садах завяли и побурели. Лисабет может не беспокоиться... по всему видно, что лето отцвело и душистый горошек не покажется.

– А не проведать ли нам Линус Иду? – говорит Мадикен. – Мы ведь долго не задержимся, а только заглянем на минуточку.

– Мы не задержимся, а только заглянем, – говорит Лисабет.

У Линус Иды они давно не бывали в гостях, а горошина пускай себе подождёт, ничего с ней не сделается.

И Мадикен, и Лисабет очень любят Линус Иду, а уж о её домике и говорить нечего! Домик Линус Иды – самый маленький во всём городе. Потолок в нём такой низкий,

что Линус Ида только-только не достаёт до него головой. В доме одна маленькая-маленькая комнатка и маленькая-премаленькая кухонька. Зато какая же там красота! На окошках у Линус Иды стоят цветы, а над кроватью висят две чудесные, ужасно страшные картины. Ещё там есть открытый очаг, и она всегда печёт в нём яблоки для Мадикен и Лисабет. Поэтому глупо было бы пройти мимо и не заглянуть к ней по пути.

Только собрались Мадикен и Лисабет постучать в дверь, как заметили на ней записку. Мадикен прочитала: «Скоро вернусь». Значит, Линус Ида куда-то ушла. По счастью, девочкам спешить особенно некуда, можно и подождать. Тем более что дверь не заперта на замок, а только притворена.

В домике Линус Иды всё так замечательно, что просто чудо! Девочки греются у горящего очага и разглядывают страшные картинки над кроватью Линус Иды. На одной нарисовано извержение вулкана. Мадикен и Лисабет содрогаются от ужаса, глядя, как разбегаются на картинке бедные людишки, спасаясь от огня. Хорошо всё-таки, что в Швеции горы не извергаются! Вторая картинка тоже очень страшная. На ней много-много мужчин, которые тонут в реке. Видно, как им всем страшно и как они хотят выбраться на берег. Река так бурно разлилась, хотя она вытекает из опрокинутой бутылки, которая валяется на земле. «Неужели и ты хочешь захлебнуться в водке?» – написано под картинкой. Мадикен и Лисабет содрогаются. Нет, они уж как-нибудь поостерегутся, чтобы не угодить в эту реку!

– В жизни не видала лучше картины! – говорит Мадикен.

– Каттегоритчески! – говорит Лисабет.

Затем они глядят на фотографии Эстер и Рут. Это дочери Линус Иды. Фотографии присланы из Америки. Рут и Эстер живут там. Обе они – настоящие дамы в красивых цветастых платьях, и волосы у них уложены в причёску, похожую на птичье гнездо. Их фотографии стоят у Линус Иды на комод, а сами они живут в Чикаго и никогда уже не вернутся домой.

Напротив комода висит гитара Линус Иды. Мадикен осторожно дёргает струну, и раздаётся восхитительный звук. О, Мадикен, кажется, отдала бы всё на свете за то, чтобы научиться играть на гитаре, как Линус Ида!

А Лисабет музыкой не интересуется. Она подходит к окну и смотрит во двор, нет ли там чего-нибудь занимательного. Нет, ничего не видно, одни только бочки с мусором, да маленькая лужайка, да посередине большое дерево, а вокруг лужайки стоят домишки, очень похожие на домик Линус Иды. Всё это совершенно неинтересно. А вот что интересно, так это рыжая девочка, которая сидит на крыльце одного из домиков. Это, должно быть, Маттис, о которой Лисабет слышала от Линус Иды, и вот с ней-то она не прочь потолковать.

– Я скоро вернусь, – говорит Лисабет.

Но Мадикен уже сняла со стены гитару и принялась играть, так что она ничего вокруг не видит и не слышит. Она трогает струну и долго слушает, как замирает звук. Она вслушивается в себя – каждый звук отзывается у неё внутри, и ей делается хорошо и радостно.

А Лисабет уже выскочила во двор. Вон и Маттис сидит у себя на крыльце. У неё в руках ножик, и она обстругивает какую-то палочку, делая вид, будто не замечает, что тут появилась Лисабет. Лисабет медленно приближается и останавливается на почтительном расстоянии, как того требуют правила приличного поведения. Лисабет стоит и выжидает. Наконец Маттис подняла голову.

– Соплячка! – говорит она отрывисто и решительно и опять принимается строгать палочку.

Лисабет обиделась. Если хорошо разобраться, кто тут соплячка и кому надо утереть нос, то уж скорее это относится к Маттис.

– От соплячки слышу! – говорит Лисабет и тут же пугается своих слов. Маттис не старше Лисабет, но вид у неё очень решительный и грозный.

– А вот как пырну сейчас ножом! Ты этого захотела? – спрашивает Маттис.

Лисабет молчит и не отвечает. Она пятится назад и, отступив на несколько шагов, высовывает язык. Маттис тоже высовывает язык, затем говорит:

– А у меня есть два кролика, а у тебя-то и нету! Накось выкуси!

Такого выражения Лисабет ещё никогда не слышала, но догадывается – раз Маттис ей так говорит, то это, наверное, что-то обидное. За Лисабет дело не стало. Подхватить хорошее новое словечко она – всегда пожалуйста!

– А у меня есть кошка Гося, а у тебя-то и нету! Накось выкуси! – говорит Лисабет.

– Ха-ха! Удивила! Уж кошек тут полным-полно, прямо спасу нет! – говорит Маттис. – Мне кошки и даром не надо, хоть ты меня озолоти.

Наступает молчание. Лисабет и Маттис уставились друг на друга, кто кого переглядит. Первая заговаривает Маттис:

– А мне вырезали аппендицит, у меня на животе здоровенный рубец, а у тебя-то и нету. Что? Выкусила?

Теперь черёд Лисабет. Она быстро думает. Неужели ей нечем похвастать перед девочкой, у которой есть рубец на животе? Ну конечно же есть чем!

– А у меня горошина в носу! Выкусила? А у тебя-то и нету!

Но Маттис отвечает ей с издевательским смехом:

– Подумаешь, горошина! У меня их столько, что можно полный нос набить! Тоже мне, удивила!

Лисабет так смущена, что в ответ только и может пробормотать:

– А вот если у меня вырастет душистый горошек...

Но этого бормотания почти не слышно – ведь если ей самой не нужен душистый горошек, чем же тут особенно хвастать?

В это время сидящая на крыльце Маттис утирает нос рукавом. И тут Лисабет сразу сообразила.

– Знаешь что, – говорит она, – не можешь ты набить нос горохом, у тебя нос и так соплями набит. Эх ты, соплячка!

Тогда Маттис окончательно свирепеет.

– Вот я тебе сейчас покажу соплячку! – кричит она и кидается на Лисабет.

Лисабет машет руками и обороняется как умеет. Но Маттис очень сильная. Она орудует кулаками как заправский боксёр, колотит свою противницу и припирает её к стенке. Тогда Лисабет вопит что есть мочи:

– Мадикен! Мадикен!

С какой стати Лисабет даст себя поколотить, когда у неё есть старшая сестра! С Мадикен не пропадёшь, она умеет драться будь здоров!

Когда Мадикен разозлится – а разозлить её нетрудно, – тогда она себя не помнит и сама не знает, что делает. Она так налетит, что только держись! Уж мама ей говорила-говорила, и всё не впрок. «Нехорошо, когда девочка дерётся», – говорит мама. Но Мадикен всё время забывает мамины наставления и вспоминает только потом, когда уже поздно. Чаще всего Мадикен позже раскаивается и говорит себе, что никогда больше не будет драться. Но она ни за что не потерпит, чтобы кто-то нападал на её младшую сестрёнку. Мадикен стремглав вылетает из двери, как оса из своего гнезда. Не успела Маттис и глазом моргнуть, как получила такого тумака, что сразу шлёпнулась на землю.

– Ну что? Выкусила? – спрашивает Лисабет.

Ишь обрадовались! У Маттис небось тоже есть старшая сестра.

И сразу, откуда ни возьмись, из ближайшего дома, точно оса из гнезда, вылетает – кто бы вы думали? – Мия, девочка, которая учится в одном классе с Мадикен и у которой в голове много вошек.

Маттис ревет благим матом и показывает пальцем на Мадикен:

– Вон она меня сейчас так треснула, что я даже свалилась!

– Ты же сама первая полезла, чумичка эдакая! – встревает Лисабет с объяснениями, но её никто не слушает.

Мадикен и Мия уже схватились врукопашную. Мия – маленькая, жилистая и вредная, как заноза; она щиплется, царапается и норовит вцепиться в волосы. Не то что Мадикен – та дерётся, как мальчишка, честно и по-борцовски, к тому же она сильная. Вскоре Мия оказывается на лопатках и даже не может царапаться, потому что Мадикен сидит на ней верхом и крепко держит за руки.

– Будешь просить пощады? – спрашивает она.

В ответ от Мии слышится такое, что просто ужас:

– У тебя – ни за что, чёртова кукла!

Мадикен и Лисабет в страхе вытаращились на Мию. Можно сказать «соплячка», можно – «чумичка», но чертыхаться никак нельзя, кто чертыхается, попадёт в ад, говорит Линус Ида.

Бедная Мия! От жалости Мадикен отпустила руки своей противницы. Нельзя же драться с человеком, который попадёт в ад. Но Мия сразу вскочила и – бац – Мадикен прямо в нос. Удар не так и силен, но его оказалось достаточно – у Мадикен пошла из носа кровь. С Мадикен это часто случается, и Лисабет обыкновенно даже не обращает внимания. Но сейчас она при виде крови, капающей из носа Мадикен, поднимает такой крик, точно её режут.

– Мадикен умерла! – вопит Лисабет. – Мадикен умерла!

Но тут вовремя подоспел ангел-спаситель – прибежала Линус Ида.

– Право слово, вы, кажется, с ума посходили! Совсем оголтелые!

Твёрдой рукой она хватает Мию и Мадикен и растаскивает их в разные стороны.

– Ишь какую манеру взяли! Как не стыдно!

Мадикен и Лисабет сразу же устыдились. Зато Мия и Маттис – нисколечко. С перепугу они пустились наутёк, но, укрывшись в своём доме, стали из-за двери дразниться, показывая Мадикен и Лисабет длинный нос. На дворе уже начало смеркаться, но Мадикен и Лисабет ясно видят две копны рыжих волос и глумливые ухмылки на лицах.

– Получили по мордасам, соплячки, так вам и надо! – кричит Мия.

А Маттис ей подпевает:

– Эй, вы, подите сюда! Мы вам обеим врежем по мордасам!

– Ну и девочки! – ворчит Линус Ида. – Помяните моё слово, когда-нибудь они добьются, что сядут в тюрьму.

Оказывается, от драки можно устать. И Мадикен, и Лисабет очень рады, что сейчас могут отдохнуть в домике Линус Иды. Линус Ида ворчит на них и бранится:

– Нет, вы только посмотрите на себя! А на кого похожа Мадикен!

У Мадикен кровь так и льётся из носа, нарядное синее пальтишко стало пыльным и грязным. Но Линус Ида положила ей на нос холодную примочку, а пальтишко почистила щёткой, и оно опять сделалось нарядное, как было. Затем Линус Ида подбросила в очаг дров, и вот уже девочки с Линус Идой сидят у огня, пекут яблоки, а Линус Ида играет им на гитаре и поёт.

– Ещё, ещё! – просят Мадикен и Лисабет всякий раз, как Линус Ида кончает песню.

И Линус Ида поёт подряд все свои печальные песни: «Как веет холодный ветер», «Жил-был однажды чёрный раб» и «Скачет рыцарь Святой Мартин», а под конец спела даже «Железную дорогу в рай». Тогда Мадикен отняла от носа мокрую тряпочку и прижала её к глазам.

– Ха-ха! Это ты закрываешься, чтобы мы не видели, как ты плачешь! – говорит Лисабет.

Сама она никогда не плачет над песнями, какие бы они ни были грустные. Но Линус Ида уже отложила гитару.

– А теперь вам самое время отправляться домой, – говорит она девочкам. – А то мама начнёт беспокоиться, куда вы подевались.

И только тут Мадикен спохватилась: а как же горошина! А доктор! Ой-ой-ой! И как это она всё позабыла!

– Скорей, Лисабет! Поторапливайся! Бежим скорее! Вот тебе пальто... Держи! Побежали!

Линус Ида даже растерялась от неожиданности.

– Я же вас не гоню, девочки! Куда такая спешка? – говорит она.

Но Мадикен и Лисабет не слушают, что она говорит. Крикнув торопливо «до свиданья», они ускакали, не успев даже застегнуть пальтишки.

Через пять минут они уже звонят в дверь дяди Берглунда. У Мадикен от быстрого бега снова потекла из носа кровь, и дядя Берглунд, встретив её в дверях, даже отшатнулся от её страшного вида.

– Что за страсть такая? – говорит он. – Никак ты с кем-то сражалась?

– А что? Разве заметно? – спрашивает Мадикен.

– Заметно, – говорит дядя Берглунд, и это сущая правда.

Нос у Мадикен покраснел и распух, как картофелина. Её даже трудно узнать, потому что она совсем на себя не похожа.

Дядя Берглунд ведёт девочек в свой кабинет.

– Я ведь думал, что лечиться ко мне придёт Лисабет. По крайней мере, мне так сказала ваша мама.

– А что, мама вам звонила по телефону? – спрашивает Мадикен с тревогой в голосе.

– Звонила. И всего лишь три раза, – отвечает дядя Берглунд.

– Ой! – вскрикивает Мадикен.

– Ой! – вскрикивает Лисабет.

– Мама не знала, куда вы подевались, – говорит дядя Берглунд. – Она уже беспокоилась, живы ли вы вообще.

– Да уж живы, конечно, – бормочет пристыженная Мадикен.

Дядя Берглунд усаживает её на стул и засовывает ей в обе ноздри толстые ватные тампоны. Лисабет смотрит на неё и заливается хохотом.

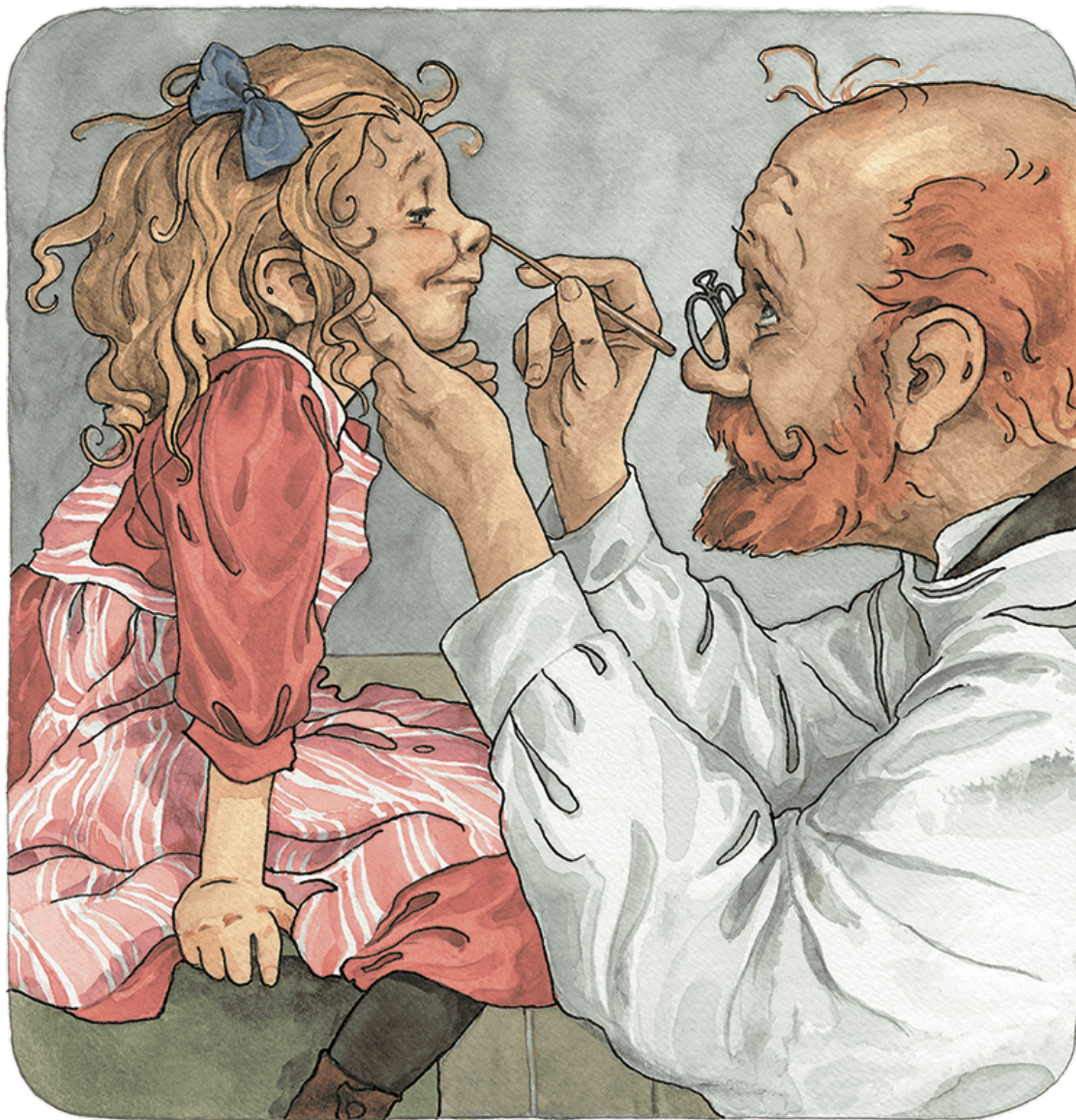
– С ума сойти, Мадикен! – говорит она. – Ты стала как улитка. Вон у тебя белые рожки торчат.

Но после этих слов Лисабет замолчала, потому что подошёл дядя Берглунд и полез ей в нос маленькими смешными крючками. Это было не больно, но ужасно щекотно. Сначала он полез в правую ноздрю, потом в левую, потом опять в правую.

– Припомни, пожалуйста, в какую ноздрюльку ты засунула горошину! – просит дядя Берглунд.

– Вот в эту, – говорит Лисабет и показывает на левую.

Дядя Берглунд ещё раз суёт ей в нос свой крючок и вертит туда-сюда, так что Лисабет становится совсем невтерпёж от щекотки.

— Чудеса, да и только! — говорит наконец дядя Берглунд. — Но горошины там нет как нет!
— Конечно же нет! — говорит Лисабет. — Она же выскочила, когда мы подрались с Маттис, раз — и нету!

В этот вечер Мадикен и Лисабет никак не могут уснуть. За день столько всего случилось, и обо всём надо поговорить, лёжа в постели!

Конечно, им немножко попало, когда они вернулись домой, но не так чтобы слишком. Мама была рада, что они не совсем заблудились и в конце концов нашлись, а папа только и сказал:

— Сейчас мы девочек быстренько в щёчку чмок, потом надаём шлёпок, и сразу в постель и спать!

На самом деле девочек только почмокали и уложили в постель без всяких шлёпок, а вот спать у них никак не получается, хотя лампа в детской давно уже погашена.

— Можно я приду к тебе в кроватку? — спрашивает Лисабет.

— Иди. Только смотри осторожно! Не задень меня по носу, — говорит Мадикен.

Лисабет обещает лезть осторожно и крадучись перебегает из своей кроватки к Мадикен.

– Можно я лягу головой тебе на плечо? – спрашивает она.

– Можно, – разрешает Мадикен.

Она любит, когда Лисабет кладёт головку ей на плечо. Тогда ей кажется, что она совсем большая, а Лисабет очень маленькая, и от этого у неё теплеет на душе.

– Надо бы этой Маттис дать по мордасам, – говорит Лисабет, которая сегодня усвоила несколько новых слов.

– И Мии тоже надо бы дать по мордасам, – говорит Мадикен.

– Каттегоритчески! – говорит Лисабет. – А что, она и в школе такая же дурочка?

– Да вроде того, – говорит Мадикен. – Почти совсем дурочка дурочкой. Можешь себе представить, что она один раз сказала, когда учительница спрашивала нас по Библии?

Нет, Лисабет не может себе представить.

– Понимаешь, там было про то, как Бог создал первых людей. Это было в Эдемском саду. И вот, значит, Мию вызвали рассказать, как он это сделал. Так знаешь, что она сказала?

Нет, Лисабет совсем не знает.

– Она и говорит: «Бог навёл на человека крепкий сон, а потом взял ведро и создал женщину»⁵.

– А разве не так? – спрашивает Лисабет.

– Ну, знаешь! Ты точно такая же дурочка, как Мия. Он вовсе не ведро взял!

– А что же он тогда взял? – спрашивает Лисабет.

– Да ребро же!

– А откуда он взял ребро? – допытывается Лисабет.

– Ну почём я знаю! Так написано в Библии. Там же в саду было много зверей, вот он и взял ребро у кого-нибудь!

– А как же тогда зверь? – спрашивает Лисабет.

– Ну почём я знаю! В Библии об этом ничего не сказано.

Лисабет задумалась над этой историей, а подумав, сказала:

– Надо дать этой Мии по мордасам!.. Выдумала тоже – ведро! Вот уж дурочка!

И девочки дружно решили, что Мия – дурочка. Но тут вдруг Мадикен вспоминает, какое страшное слово сказала Мия. И Мадикен приходит в совершенное отчаяние. Мадикен, конечно, согласна, что Мия заслужила получить по мордасам. Но какой ужас, что ей суждено попасть в ад! И всё из-за того, что Лисабет запихала в нос горошину! В сущности, во всём виновата горошина. Иначе они с Лисабет не пошли бы в гости к Линус Иде, и не было бы никакой драки, и Мия не сказала бы такого ужасного слова. Когда Мадикен растолковала сестре, что к чему, та заойкала: «Ой-ой-ой!»

Поражённые ужасом, девочки притихли. Обе не знают, как тут быть и как помочь такому горю.

– Давай попросим за Мию прощения у Бога, – говорит Мадикен. – Может быть, это поможет. Сама она вряд ли догадается...

Мадикен и Лисабет складывают руки для молитвы – надо же как-то спасти Мию!

– Милый Боженька, прости на этот раз Мию! Прости её, пожалуйста!

А Мадикен добавляет:

– Милый Боженька, она ведь, может быть, не нарочно так сказала. А впрочем, по-моему, она и не говорила «чёртова кукла»... Вообще-то она, кажется, сказала «чёрная кукла».

Кончив молитву, девочки почувствовали облегчение. Мия была спасена от вечных мук, и теперь настала пора спать.

⁵ В Библии сказано: «И навёл Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из рёбер его, и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку».

Лисабет крадучись перебегает к себе в кроватку. Мадикен осторожно ощупывает свой нос. Как будто бы он стал немного поменьше. Это тоже приятно.

– А ведь сегодня был очень интересный день, – говорит Мадикен. – И если хорошенько подумать, то всё только благодаря твоей горошине.

– Вот видишь! Значит, я удачно сделала, что её запихала, – говорит Лисабет. – Это если хорошенько подумать.

– Да, – соглашается Мадикен. – А если бы ты запихала и другую горошину во вторую ноздрю, то было бы, наверное, ещё в два раза интереснее! Ха-ха-ха!

Но Лисабет уже совсем засыпает, и ей не хочется больше ничего интересного.

– Знаешь что, Мадикен, – говорит она сонным голосом. – В моей школе у детей только одна ноздря.

И тут засыпают обе – и Лисабет, и Мадикен.

Мадикен проверяет свои способности к ясновидению

Мама почему-то не очень любит, чтобы Мадикен ходила в гости к Нильсонам. А для Мадикен их кухня – самое любимое место. Однажды она слышала, как папа говорил маме:

– Не мешай ей туда ходить! Я хочу, чтобы мои дети знали, что люди бывают всякие. Может быть, это их убережёт от высокомерного отношения.

Поскольку это было сказано не для её ушей, Мадикен не смогла спросить у папы, почему её надо уберегать от высокомерного отношения. Скорее всего, папа имел в виду, что не надо сердиться на дядю Нильсона, если он по субботам бывает пьяный. Мадикен на него не сердится, ведь и он тоже хорошо к ней относится и называет «милой Мадикен из Юнибаккена», и дядя Нильсон никогда не обижает ни тётю Нильсон, ни Аббе.

– Недаром ведь «Люгнет» значит «отдохновение», вот я и хочу, чтобы мне тут хорошо отдыхалось, – говорит дядя Нильсон, укладываясь поудобнее на кухонном диване. – Нельзя же всё время трудиться да трудиться, когда-то можно и отдохнуть!

Тётя Нильсон почти всегда понимает, что дяде Нильсону когда-то нужно отдохнуть, и только изредка отказывается его понимать. Когда приезжает мусорщик, тётя Нильсон не хочет сама вытаскивать мусорную бочку к калитке. Тут уж приходится дяде Нильсону приложить руки. Он это очень не любит, и потом долго отлёживается на диване и не разговаривает с тётей Нильсон. Уставясь в потолок, дядя Нильсон горько жалуется, ни к кому не обращаясь:

– Казалось бы, я домовладелец и хозяин усадьбы, а должен сам таскать мусорный бак через весь двор!

Зато когда дядя Нильсон заводит граммофон и танцует с тётей Нильсон, а Аббе лепит крендельки и по всей усадьбе разносится аромат горячего печенья, тогда у них на кухне бывает очень приятно. Правда, Альва, которая иногда заходит в Люгнет, чтобы забрать Мадикен, говорит, что в жизни не видывала более захламлённого и грязного дома. А впрочем, много ли домов перевидала Альва? В чём-то она, наверное, права – ведь Нильсоны действительно не метут пол и не моют посуду без крайней надобности. Но Мадикен считает, что в общем-то у них всё выглядит вполне прилично. Полки украшены расшитыми подзорами. Тётя Нильсон сама вышила на них крестиком красным по белому надписи: «Порядок во всём», «Всякой вещи – своё место», а на самом длинном: «Солнце в небе и доме, солнце в сердце и душе».

– Вот как-нибудь соберусь их постирать, – говорит тётя Нильсон. – Тогда виднее будет, что на них написано.

– Да ну! Ты же их всё равно не читаешь, – говорит дядя Нильсон, подхватывает тётю Нильсон за талию, кружит её в танце и поёт:

О Адольфина!
О Адольфина!
Вместе забыться!
О Адольфина!
О Адольфина!
В вальсе кружиться!

– Полно тебе дурачиться, – говорит тётя Нильсон, а сама хохочет так, что у неё даже живот трясётся.

Аббе, склонившийся над кухонным столом, тоже насвистывает «О Адольфина!» и в такт песне вертит из теста колбаску.

Но лучше всего бывает, когда Аббе и Мадикен остаются на кухне одни. Аббе столько всего знает и так хорошо рассказывает между делом, а Мадикен сидит на диване и слушает. Все истории про привидения, убийц и про войну, которые так любит Лисабет, Мадикен узнала от Аббе.

С убийцами Аббе сталкивался всего три раза в жизни, зато привидений повидал очень много. А Мадикен ещё ни разу ни одного не видела.

– Это потому, что я – духовидец, – говорит Аббе. – Для этого надо родиться ясновидящим, иначе ты не увидишь привидений.

Духовидец! Мадикен раньше даже слова такого не знала, но Аббе ей объяснил. У духовидцев глаза устроены иначе, потому они и видят разных духов и привидения, а обычные люди, сколько ни глядят, ничего не видят. Аббе и сам удивляется этой разнице:

– Я просто не понимаю, как это получается у обыкновенных людей – перед человеком стоит привидение, а он прёт на него, как будто и не видит.

– Как ты думаешь, я – обыкновенный человек? – спрашивает Мадикен с надеждой в голосе. – Вдруг я тоже духовидец, только не бывала в таких местах, где водятся привидения!

Аббе снисходительно смеётся:

– Ты-то духовидица? Да из тебя духовидица, как из поросёнка!

Некоторое время Аббе молча лепит крендельки, затем говорит:

– А впрочем, изволь! Если хочешь, я как-нибудь схожу с тобой на кладбище тёмной ночью.

У Мадикен мороз пробежал по коже.

– На кладбище? А разве там водятся привидения?

– Именно что там, – говорит Аббе. – Конечно, я и в других местах встречал привидения, но уж на кладбище их столько, что не протолкнуться, там их прямо-таки навалом! Там шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на привидение.

Мадикен очень хочется узнать, способна ли она увидеть привидение, но отправляться ради этого среди ночи на кладбище, где привидений столько, что не протолкнуться... Брр, этого ей не хочется делать!

– А нет ли другого места, где их чуточку поменьше? – спрашивает Мадикен.

Аббе бросает на неё проницательный взгляд:

– Ты что, трусишь?

Мадикен отводит глаза и молчит. Если Аббе решит, что она трусиха, это будет ужасно. Но ещё ужаснее пойти среди ночи на кладбище.

Аббе словно бы задумался.

– Само собой, мы можем попробовать и в другом месте, – говорит он и шлёпает на противень готовый кренделёк. – Вот хотя бы у нас в старой пивоварне: похоже, что там в северном углу что-то нечисто.

– Давай попробуем! – просит удивлённая Мадикен.

Она много раз заходила в старую пивоварню Нильсонов и никогда не замечала там ни малейших следов привидений или призраков... Неужели она и впрямь такой же духовидец, как какой-нибудь поросёнок!

– По правде сказать, я не думаю, что от этого будет толк, – говорит Аббе. – Но на всякий случай отчего бы не попробовать! Пойти, что ли, сегодня ночью?

Мадикен опять отводит глаза:

– А что, обязательно только ночью?

– А как же ты думала? Может быть, ты воображаешь, что старикан там среди бела дня шастает, чтобы моей мамаше во время стирки компанию составить? Нет уж, дудки! Ночью, в двенадцать часов – вот самое подходящее время для привидений. Тогда-то он и явится, и ни минутой раньше!

– А почему он живёт в вашей пивоварне? – спрашивает Мадикен с интересом.

Аббе сперва молчит, потом отвечает:

– Так и быть, я тебе всё расскажу. Только учти, что вообще-то это тайна, и ты никому не должна про неё рассказывать, чтобы ни одна живая душа не узнала.

Мадикен уже вся дрожит от нетерпения. От Мадикен никто никогда не узнает чужого секрета! Аббе и сам это знает, и потому он только ей одной решил рассказать про старика, который по ночам является в пивоварне. О таких чудесах Мадикен и не слыхивала. Оказывается, что это призрак прапрадедушки Аббе. Прапрадедушка жил сто лет назад. Он был графом и владел несметными богатствами... Аббе и сам, можно сказать, граф, он только держит это в секрете.

Мадикен глядит на Аббе во все глаза и никак не может опомниться от изумления. Такого ей ещё никогда не приходилось слышать!

– Ты догадываешься, отчего мой прапрадедушка не может спать спокойно в своей могиле, как другие умершие графы? Лежал бы себе, кажется, спокойно в гробу, так нет же – он вместо этого колобродит по ночам в пивоварне. А знаешь отчего?

Нет, Мадикен не знает, но Аббе опять ей всё объяснил. Этот граф-богачей вздумал однажды закопать в пивоварне, где теперь прачечная, бочонок с деньгами.

– Просто так, ради интереса, понимаешь ли, – говорит Аббе. – Во все банки он уже положил такие груды денег, что там просто больше некуда стало класть. Тогда-то он и вспомнил про пивоварню. А как зарыл своё сокровище на чёрный день, так сразу же и окочился, а богатство в земле так и осталось! Вот потому он теперь и бродит привидением.

Мадикен перевела дух.

– Ты думаешь, что деньги так и остались лежать?

– Ясно, лежат, – говорит Аббе.

Мадикен глядит на него во все глаза:

– А почему ты их не откопаешь?

– Тебе хорошо говорить! Сама бы попробовала! – говорит Аббе. – А ты знаешь хотя бы, где копать?

Нет, Мадикен не знает.

– Вот видишь! – говорит Аббе.

Мадикен смотрит на него так, словно в первый раз увидела. Подумать только! Вот он стоит у плиты, печёт кренделёчки, а на самом деле он, оказывается, граф, и прапрадедушка у него тоже был граф... Да мало того что граф, а ещё и привидение.

– А как зовут привидение? То есть, я хотела сказать, твоего прапрадедушку?

Аббе застывает с недоконченным крендельком в руках. А когда наконец говорит, то звучит это так, будто он читает по книге.

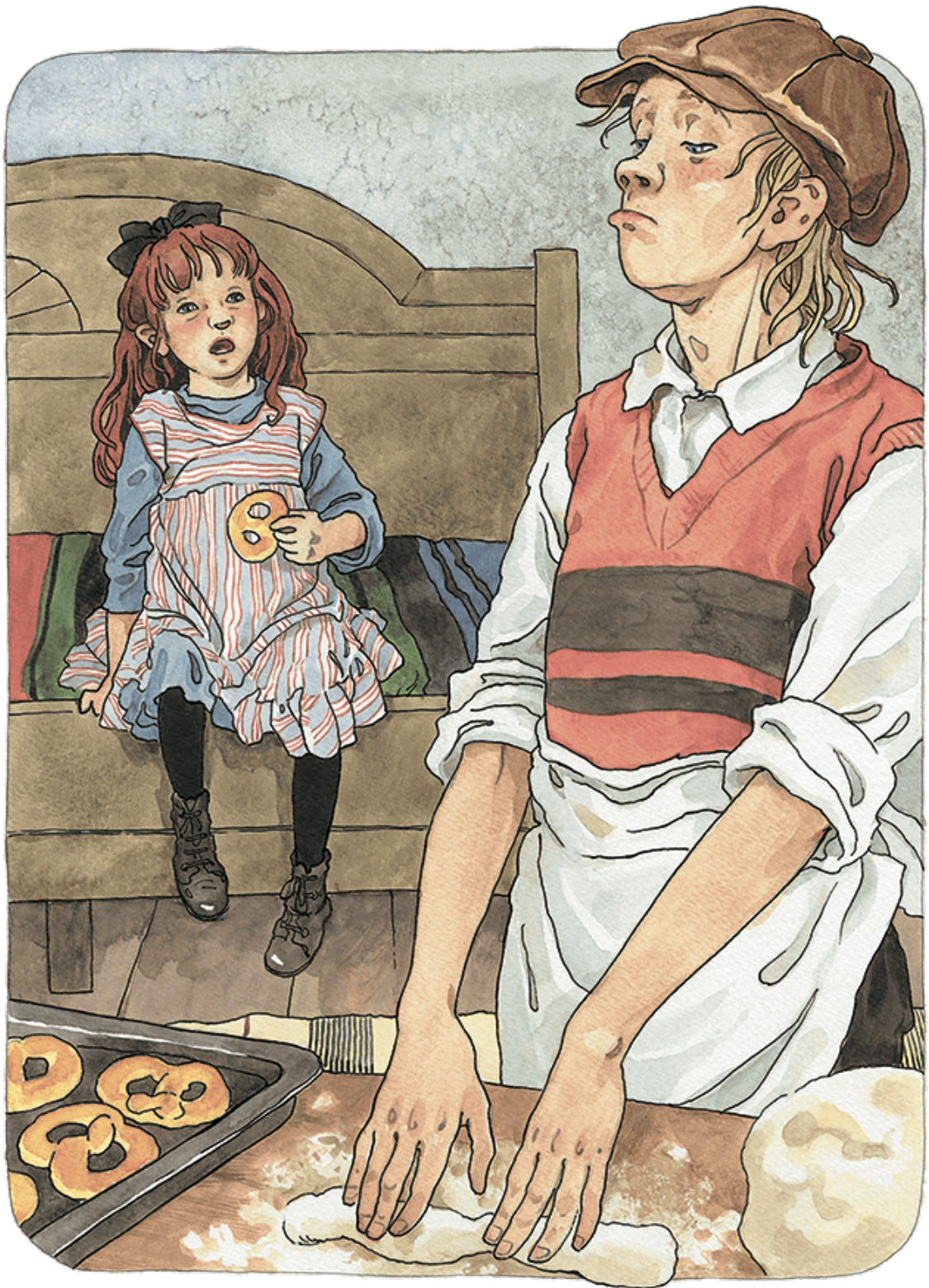
– И звали его граф Аббе Нильсон Крок! – изрекает Аббе.

Получается так величественно и так страшно, что у Мадикен пробежали мурашки по спине.

– Твоё счастье, что мы не гордые, – говорит Аббе Нильсон. – «Ваша светлость, высокогородный граф Аббе Нильсон Крок» – вот как ты должна бы меня называть. Ну да чего там! Можешь по-прежнему называть меня Аббе.

– Хорошо! Иначе бы я просто не могла с тобой разговаривать, – говорит Мадикен. – Если хочешь, иногда я могу называть тебя «ваша светлость высокогородный граф Аббе».

Но Аббе не высказывает такого желания. Он хочет одного – чтобы Мадикен пошла с ним ночью в двенадцать часов в пивоварню. Ведь если Мадикен окажется духовидицей, то вдвоём они, может быть, выследят графа Крока и как-нибудь выведут у него, где лежат деньги. Аббе уже много раз пробовал его подловить, но прапрадедушка с леденящим душу стоном исчезал сквозь стену.

От этих рассказов Мадикен приходит в сомнение, быть духовидицей не кажется ей уже так заманчиво. Поглядеть на привидение всякому интересно, но если ради этого нужно в двенадцать ночи гоняться по пивоварне за прапрадедушкой, то это меняет дело!

– Мне мама не разрешит! – говорит Мадикен. – Она нипочём не выпустит меня ночью из дома.

Аббе с жалостью смотрит на Мадикен, надо же сморозить такую глупость!

– Эх ты – голова два уха! Неужели ты собираешься спрашивать разрешения у мамочки? В таком случае лучше и не пытаться! Ты никогда не узнаешь, можешь ли ты видеть привидения, уж ты мне поверь!

Мадикен верит. Она знает, что Аббе говорит правду. Ведь мама действительно хочет, чтобы по ночам Мадикен спала, и ей совершенно неинтересно, может или не может Мадикен видеть привидения.

Но тут Аббе напоминает ей, что она ведь не раз вылезала из окна на крышу веранды. Правда, обычно это бывало днём, но если можно днём, то почему нельзя ночью?.. Конечно, если она не трусиха!

– Ну так ты пойдёшь или нет? – спрашивает Аббе строго.

Мадикен не знает, что и сказать.

– Мне не дожидаться двенадцати, я усну. Так что ничего не получится.

Но от Аббе не так-то просто отделаться. Подумав немного, он говорит:

– Слушай, я, пожалуй, сумею обмануть прапрадедушку и сделать так, чтобы он сегодня появился пораньше. Знаешь, что я придумал?

Нет, Мадикен не знает. Разве она может так придумать, как Аббе?

– Я поставлю в пивоварне будильник и передвину стрелки на три часа вперёд. Ну как? Ловко придумано? Вот прапрадедушка и решит, что уже двенадцать часов, а на самом деле будет ещё только девять. Ха-ха!

– Ха-ха! – вторит Мадикен, но смех у неё невесёлый.

– Ну так что, пойдёшь? – ещё строже спрашивает Аббе.

– Да-а, – говорит Мадикен. – Наверно уж пойду.

– Шик-блеск! – говорит Аббе. – Ты молодчина!

В семь часов вечера Мадикен и Лисабет укладываются спать. Но сначала приходит мама немного посидеть с девочками. Она им рассказывает сказки и поёт песенки. Последнюю песню поют все вместе – мама, Мадикен и Лисабет. Иногда приходит папа, тогда они поют на два голоса. Они поют: «Вечер прекрасный, мирный покой». Мадикен почему-то испытывает настоящее счастье от этой мелодии, а может быть, ещё больше от слов. В чём тут дело – она и сама толком не разберётся. Лисабет тоже, наверное, радуется, когда поёт эти слова. Во всяком случае, она уже не говорит, как раньше, когда ещё была маленькой и мама с ней разучивала эту песню: «Ой, мамочка, как скучно!»

Но тогда ей было только три годика. Теперь-то она знает наизусть всю песню и поёт не хуже других: «Вечер прекрасный, милый покой». Она поёт «милый покой», а не «мирный покой». «Ой, как же это верно! – думает Мадикен. – „Милый” – как раз то слово, которое лучше всего подходит для вечера, когда ты лежишь в мягкой, уютной постельке и мама заботливо подоткнула тебе одеяльце, а за окном так хорошо шелестят берёзы».

Однако про нынешний вечер никак не скажешь «милый покой». Сегодня у Мадикен совсем другое чувство. При мысли о том, что она собирается сделать, у Мадикен начинают бегать по коже мурашки, но в этом ощущении нет ничего неприятного. Что поделаешь, раз Мадикен уродилась такая беспокойная! Её так и подмывает искать захватывающие приключения. Она уже решила пойти в пивоварню, чтобы узнать, может ли она видеть привидения, и сейчас у неё приблизительно такое чувство, какое бывает, когда предстоит поход к зубному врачу. Хуже всего – это ждать, пока не скажут: «Ну, всё! Завтра пойдём!» Остальное уже не страшно. А кроме того, если Аббе не боится увидеть привидение, то чем, спрашивается, Мадикен хуже? Во всяком случае, так рассуждала Мадикен, пока лежала в своей постельке.

Мама и папа уже давно пожелали девочкам спокойной ночи и ушли. Теперь Мадикен дожидается, когда уснёт Лисабет. То, что она задумала, нужно держать в секрете даже от неё.

– Ты не спишь? – спрашивает Мадикен.

– Вовсе даже не сплю, – отзывается Лисабет. – А ты?

– Ну и дурочка ты, Лисабет! – говорит Мадикен.

Она выжидает ещё немного и через некоторое время опять спрашивает:

– Лисабет, ты спишь?

– Ничуть! – говорит Лисабет. – А ты?

«Ну что за девочка!» – думает Мадикен и начинает сердиться.

– Ты что, всю ночь собираешься не спать?

– Категорически! – отвечает Лисабет.

Но через минуту она уже перевалилась на живот и уснула.

Никогда ещё Мадикен не доводилось одеваться в кромешной тьме.

Она боится зажигать керосиновую лампу, чтобы не разбудить Лисабет и чтобы мама нечаянно не заметила полоску света под дверью детской.

Хорошо, что Мадикен позаботилась с вечера аккуратно сложить одежду на стуле, который стоит возле её кровати. С бельём она быстро управилась, надела штанишки, лифчик. Потом Мадикен пришлось поволноваться – второй чулок, как нарочно, куда-то запропастился. Мадикен лихорадочно ищет пропажу – правда, ведь неудобно получится, если она явится в одном чулке перед прапрадедушкой Аббе Нильсона, это перед настоящим-то графом! В конце концов чулок отыскивается под стулом рядом с ботинками. Нешуточное дело – зашнуровать ботинки в потёмках, но Мадикен кое-как справилась и со шнурками. Теперь остаётся надеть платье и длинную шерстяную кофту, в которой она играет в саду.

Мадикен стискивает зубы – предстоит самое трудное. Надо открыть дверь, на цыпочках пройти через сени к оконцу, которое выходит на крышу веранды, и ни разу не зашуметь, чтобы не заметили мама и папа. Они ещё сидят внизу в гостиной. Сквозь закрытую дверь детской доносятся их приглушённые голоса.

Мадикен благополучно добралась до окошка, никого не потревожив. Она дёрнула раму, и та открылась с ужасающим грохотом. В гостиной смолк разговор, и Мадикен замерла, трепеща от страха, – что-то сейчас будет?..

Однако всё спокойно. Просто мама села за пианино и стала играть. Из-под её пальцев полилась тихая, ласковая мелодия. Выкарабкиваясь на крышу, Мадикен слышит позади негромкие звуки музыки. На миг у неё защемило в груди. Всё, что давало покой и чувство надёжности, оставлено позади, а впереди – тьма и ночные страхи.

На дворе стоит ноябрь, холодный и тёмный вечер. Мадикен не ожидала, что будет так жутко. В деревьях гудит ветер. Они давно облетели, и вместо шелеста листвы слышен сухой стук оголённых ветвей, как будто деревьям тоже страшно.

Мадикен пришла под окно, за которым живёт Аббе. Из темноты хорошо видна освещённая кухня, там собрались Аббе, его мама и папа. Мадикен смотрит, и ей тоже хочется к свету и теплу, но Аббе велел ей прийти под окно и прокричать по-совиному. Мадикен послушно выполняет наказ и принимается ухать, как сова. Совиный крик получается таким жутким, что Мадикен сама себя испугалась, а тётя Нильсон даже подскочила на стуле. Аббе

тоже оживился. Он срывается с места и надевает кепку. Вот он уже у дверей. Мадикен видит его в тусклом свете керосиновой лампы. Для графа он одет довольно-таки неказисто – штаны с заплатками на коленях, и куртка висит, как на вешалке. И весь он какой-то щупловатенький. На взгляд Мадикен, графу полагается быть потолще и не таким патлатым. Но раз она не знакома с другими графами, то не может судить наверняка. Волосы у Аббе как растрёпанная метёлка, неприбранные вихры торчат во все стороны из-под кепки. Однако он самодовольно ухмыляется и, как видно, думает про себя, что он вылитый граф.

Разглядев Мадикен в темноте под яблонями, он деловито устремляется ей навстречу.

– Порядок! – говорит он. – Сейчас узнаем, надули мы дедушку или нет и поверил ли он, что сейчас уже двенадцать часов.

– Порядок! – говорит Мадикен, а сама дрожит мелкой дрожью. – А ты завёл будильник?

– Спрашиваешь! Неужели же нет! Я завёл звонок, чтобы старик не проспал. А то он ведь не привык просыпаться в это время.

Пивоварня Нильсонов находится в дальнем конце сада, почти у самой реки. Туда ведёт утоптанная тропинка. Аббе захватил с собой фонарик, чтобы Мадикен не налетела в темноте на дерево и не набила себе шишек о замшелые стволы старых яблонь.

Вот какой Аббе внимательный и предусмотрительный!

– Можно я возьму тебя за руку? – говорит Мадикен. – Так мне будет лучше видно.

– Давай, – говорит Аббе. – Чудачка ты, Мадикен!

Он берёт протянутую ладошку, ладошка холодная и дрожит.

– Но только, когда появится прапрадедушка, я тебя отпущу, – говорит Аббе. – А то старику не понравится, что я якшаюсь с людишками, в которых течёт не графская кровь.

Впереди зачернела мрачная стена пивоварни – сразу видно, что там водятся привидения. И тишина кругом такая, что поневоле станет страшно. Неужели это та самая приветливая сараюшка, где бывает так весело и шумно, когда тётушка Нильсон затевает большую стирку. В чане булькает вода, гулко шлёпаются в него мокрые простыни, гремит в руках тётушки Нильсон стиральный валёк, туман стоит такой, что среди ушатов и корыт недолго и заблудиться – Мадикен и Лисабет еле различают друг друга в клубах пара. В пивоварне так здорово, что просто одно удовольствие! А лучше всего там на чердаке – кричи, носись, скажи сколько душе угодно, можно играть в жмурки и прятки. На чердаке под стрехой живут совы. Они не любят беготни и крика. Когда Мадикен и Лисабет разыграются, птицы вылетают в окно и не возвращаются, пока не уйдут девочки. Может быть, и привидение постукает, как совы. Может быть, граф тоже улетал в окно, когда Мадикен с Лисабет поднимали возню на чердаке? Сейчас-то тихо, и он, наверное, засел в темноте вместе с совами... сидит там и поджидает.

Мадикен крепко вцепилась в руку Аббе. Ей страшно, и он это почувствовал. Аббе гасит фонарик, берётся за огромный ключ, чтобы отомкнуть тугой замок, и оборачивается к Мадикен.

– Ну, решай, как ты хочешь, – говорит Аббе шёпотом. – Я подумал, что ты хотела посмотреть на привидение, но если нет, то можешь и отказаться.

В этот миг за дверью заверещал будильник, так громко, словно хотел перебудить все привидения, которые прячутся в ночной тьме, предупреждая их, что к ним пришла Мадикен. Страшно, просто жуть!

– Если хочешь, давай улепётывай! – говорит Аббе. – Пока старичок очухается ото сна, ты успеешь унести ноги.

Мадикен конечно же боится, она трясётся как осиновый лист, но ведь иначе она никогда не узнает, может ли она видеть привидения! Нельзя упускать такой случай!

– Я хочу на него посмотреть, – лепечет Мадикен. – Я только взгляну одним глазочком.

– Ну раз так, давай! – говорит Аббе. – Только чур, на меня не обижаться, если ты бухнешься в обморок!

Аббе поворачивает ключ и осторожно открывает дверь. Она открывается со страшным скрипом. Если граф Крок не расслышал будильника, то теперь-то уж он наверняка проснётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.